

ОКтябрь

НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

10

1994

О К Т Я Б Р Ь

Общественный совет: Л. БАТКИН, Ю. БУРТИН, В. БЫКОВ,
Б. ВАСИЛЬЕВ, А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ, И. ВОЛГИН, А. ГЕЛЬМАН,
Д. ГРАНИН, Ю. КАРЯКИН, Р. КИРЕЕВ, Д. КУГУЛЬТИНОВ,
А. КУРЧАТКИН, Ю. МОРИЦ, Р. САГДЕЕВ, Л. САРАСКИНА,
Вад. СОКОЛОВ, Л. ФИЛАТОВ, И. ФИЛОНЕНКО, Ю. ЧЕРНИ-
ЧЕНКО, Р. ЩЕДРИН.

В О Н О М Е Р Е

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

С. А. ТОЛСТАЯ. Чья вина! Повесть. Предисловие В. Порудоминского. Публикация О. А. Голиненко и Н. Г. Никифоровой . . .	3
Константин ВАНШЕНКИН. Новые стихи. Из книги «Волнистое стекло»	60
Юрий НАГИБИН. Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волонтеризма и застоя. История одной любви. Окончание	63
Григорий ПЕТРОВ. Рассказы	114
Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ. Иисус Неизвестный. Продолжение	143

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аркадий ШТЕЙНБЕРГ. Искатель кладов. Поэма. Предисловие и публикация Вадима Перельмутера	164
---	-----

Чья вина?

ПО ПОВОДУ «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ»
ЛЬВА ТОЛСТОГО

«Крейцера соната» увидела свет в 1891 году. Но двумя годами раньше повесть начинает распространяться в списках. Тысячи таких списков ходят по России, переписываются снова и снова, гектографируются, переводятся на другие языки. «Самые важные политические события редко завладевали всеми с такой силой и полнотой», — рассказывает А. А. Толстая, родственница писателя и близкий его друг¹. Тогдашняя критика сравнивает появление «Крейцеровой сонаты» с землетрясением в читающем мире. «Рассказ о любви плотской, о половых отношениях в семье» (так обозначает тему повести сам автор²), поведенный миру с толстовской беспощадной искренностью и силой, никого не оставляет равнодушным, заставляет заглянуть в те глубины своего «я», куда мы менее всего склонны всматриваться.

Софья Андреевна — среди первых читателей «Крейцеровой сонаты»: «Соня переписывает, ее волнует, и она вчера ночью говорит о разочаровании молодой женщины, о чувственности мужчин, сначала чуждой... Она несправедлива, потому что хочет оправдываться, а чтобы понять и сказать истину, надо каяться»³.

Каяться Софья Андреевна не хочет. Горечь подмены семейного счастья супружеской чувственностью мучает ее с первых дней замужества. Она всю жизнь до ненависти ревнует Льва Николаевича к прошлому, не в силах простить ему неправопавия, с которым вступали они в семейные отношения. Эта ревность, эта обида пронизывают ее дневники. В 1897 году (35-й год супружества) она читает корректуру нового издания «Крейцеровой сонаты» и вновь возмущается речами главного героя: «И везде Позднышев говорит: мы предавались свиной страсти, мы чувствовали пресыщение, мы — везде. Но женщина имеет совсем другие свойства, и нельзя обобщать ощущения, хотя бы половые; слишком разное отношение к ним мужчины и чистой женщины»⁴. В воспоминаниях, рассказывая о невыносимо тяжело для нее познании интимной близости, Софья Андреевна пересказывает прочитанные где-то слова Льва Николаевича о том, что «в женщине надо воспитать чувство страсти, разврата и ответа на него»⁵, — и не желает брать на себя ту долю искажающей семейную жизнь чувственности, которую отводит женщине Толстой.

Но это — лишь одна причина неизменно недоброжелательного отношения Софьи Андреевны к «Крейцеровой сонате». Другая: «Я сама в сердце своем почувствовала, что эта повесть направлена в меня, что она сразу нанесла мне рану, унизила меня в глазах всего мира и разрушила последнюю любовь между нами»⁶.

Верная помощница, Софья Андреевна отправляется в Петербург, добивается аудиенции у государя и получает высочайшее разрешение напечатать запрещенную было публикацию «Крейцерову сонату». Но в дневнике вдруг (не исключено, что и для себя — вдруг, и для Толстого, наверно) указывает «настоящий мотив, самый глубокий» своей поездки в столицу — рассеять общее подозрение, что по-

Повесть «Чья вина?» войдет в «Сочинения» Софьи Андреевны Толстой, которые будут напечатаны издательством «Планета».

¹ Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. 1857—1903. Толстовский музей. СПб., 1911, т. 1, с. 56.

² Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 тт. М.-Л., Гослитиздат, 1928—1959, т. 50, с. 130. Далее все ссылки на сочинения Толстого по этому изданию; первая цифра обозначает том, следующая — страницу.

³ 50/103.

⁴ Толстая С. А. Дневники. В 2-х тт. М., Художественная литература, 1978, т. 1, с. 132. Далее все ссылки по этому изданию (сокращенно ДСТ).

⁵ Толстая С. А. Моя жизнь. Рукопись. Архив Гос. музея Л. Н. Толстого. Т. 1, с. 166. Далее: «Моя жизнь».

⁶ ДСТ (1/153)

весть написана с нее, с них: «Если б вся эта повесть была написана с меня и наших отношений, то, конечно, я не стала бы ее выпрашивать для распространения»⁷.

Автобиографическое начало в повести и впрямь очень значительно (это разговор особый, требующий простора и шири и вглубь); оно пронизывает и замысел, и мысли, и текст повести, чувствуется во множестве подробностей, ярких и неприметных, явных и утаенных от первого взгляда; оно упрятано в подтекст, подчас, возможно, неосознанно в него вшивается, на нем — самое существенное! — замешаны основные идеи «Крейцеровой сонаты». Но Софья Андреевна напрасно тревожится насчет «всего мира» и «общего подозрения»: автобиографическое в большей своей части станет очевидным лишь потомкам, когда они прочитают дневники и переписку супругов Толстых. «Подозрения» современников возмущают как раз не потому, что повесть заведомо относится к ее со Львом Николаевичем семейной жизни, а потому, что относится к жизни всех и каждого; другое дело, что Софья Андреевна, понятно, легче и полнее, чем кто-нибудь и когда-нибудь, вычитывает, угадывает автобиографическое в строках и между строк, в малостях и околичностях.

«Повесть направлена в меня», — и Софья Андреевна решается на поединок с Толстым, притом намерена сразиться с Толстым на том поле, на котором ему нет равных: «написать самой по поводу «Крейцеровой сонаты» роман»⁸. Она объясняет: «Это непонимание возможности чистоты женской, это неуважение и вечная подозрительность в падении, измене, — все это я испытала на себе и хотела выразить в своем романе... Мне хотелось показать ту разницу любви, которая живет в мужчине и женщине. У мужчин на первом плане — любовь материальная; у женщины на первом плане — идеализация, поэзия любви, ласковость, а потом уже пробуждение половое. Конечно, неопытная в писательстве, я плохо исполнила свою задачу, а писала я с большим увлечением, имея все время перед собой фон «Крейцеровой сонаты» Льва Николаевича, по которому я рисовала свою повесть»⁹. На полях рукописи находим цитаты из «Крейцеровой сонаты», ссылки на те ее страницы, с которыми полемизирует Софья Андреевна.

Природа не пощупилась, наделяя Софью Андреевну многими и разными способностями, развитыми благодаря энергичному ее уму, неизменной любознательности, дисциплине настойчивого познания, поразительному трудолюбию и деловитости. Пером Софья Андреевна тоже владеет свободно («Что за энергия правды и простоты», — отзывается Толстой, уже признанный Россией писатель, о повести юной Сонечки Берс, которая — месяца не пройдет — станет его женой¹⁰). Природное владение словом утверждается и укрепляется в ней постоянным сотрудничеством с автором «Войны и мира» и «Анны Карениной», при котором она неутомимая переписчица, первый читатель и критик («он... очень верит и слушает мои суждения»¹¹).

Главный литературный труд С. А. Толстой — воспоминания «Моя жизнь» — еще впереди: работа над воспоминаниями начнется 24 февраля 1904 года и будет продолжаться более десяти лет. Огромная по объему книга — несколько тысяч полустов машинописного текста — дарит нам множество сведений, дорогих подробностей, помогающих по-новому, точнее, во всей многозначности оценить отношения и поступки «действующих лиц» этой жизни, главных и второстепенных, бросающих иной свет на известные, казалось, факты, дополняющих наши знания о творческих замыслах и трудах Толстого, духовных и душевных устремлениях его. Умение просто и непосредственно запечатлеть течение живой повседневности составляет прелесть и выразительность лучших страниц «Моей жизни». Постичь «диалектику души», показать человека в его «текучести» — этого Софье Андреевне не было дано перенять у великого своего спутника, но трудным искусством коротко и ярко передать незначительное, на первый взгляд, житейское впечатление, наполнить его если не глубинным смыслом, то эмоциональным содержанием, — этим искусством она владеет вполне.

Сочинение, которое нам предстоит прочитать, ни по жанру, ни по слогу не сопоставимо с «Моей жизнью», современная классификация, скорей всего, отнесла бы его к «женскому роману» (у Софьи Андреевны на титульном листе рукописи — «Повесть „женщины“»), но многое и в материале, и в осмыслении его, и в поставленной задаче оказывается своеобразной подготовкой, этапом на пути к воспоминаниям¹². В рукописи под заглавием «Чья вина?» (1892—1893) Софья Андреевна прибавляет в скобках: «По поводу Крейцеровой Сонаты Льва Толстого», и еще ни-

⁷ ДСТ (1/188)

⁸ «Моя жизнь» (VI/242)

⁹ «Моя жизнь» (VI/242—243)

¹⁰ 48/41

¹¹ ДСТ (1/80)

¹² То же можно сказать и о другой повести С. А. Толстой, написанной в 1890-е годы, «Песня без слов», в которой опосредованно отразилась история ее отношений с композитором С. И. Танеевым. Повесть еще ждет опубликования.

же; «Написано женой Льва Толстого», тотчас заявляя об автобиографической основе замысла, той самой, которая так тяготит ее в «Крейцеровой сонате»¹³.

Расхождения Толстого и Софьи Андреевны в представлениях о смысле и образе жизни, о жизненных ценностях в конце 1880-х — начале 1890-х годов уже разительны, непримиримы, суждения Толстого, направление и цели его дальнейшего движения определяются взглядами, которые никогда не примет и не желает принять Софья Андреевна. «То, чем живешь ты, это то самое, из чего я только что спасаюсь, как от страшного ужаса, едва не приведшего меня к самоубийству. — Я не могу вернуться к тому, в чем я жил, в чем нашел погибель и что признал величайшим злом и несчастьем»¹⁴, — пишет в эти годы Толстой жене. Для Софьи Андреевны жизнь, страшащая Толстого, — семейная гармония, которая была прежде или могла быть, которая, чем шире разлом, тем яснее ей чудится: «Да, я хочу, чтоб он вернулся ко мне так же, как он хочет, чтоб я пошла за ним. Мое — это старое, счастливое, пережитое несомненно хорошо, светло и весело, и любовно, и дружно. Его — это новое, вечно мучающее, тянущее всех за душу, удивляющее и тяжело поражающее... Нет, в этот ужас меня не заманишь»¹⁵. «Ужас» — так обозначает каждый из них то, что дорого другому. Противостояние зовет Софью Андреевну к самооправданию и самоутверждению, которые — осознанно или нет — сопрягаются со стремлением «развенчать» (ее слово) своего великого мужа, к желанию самой сказать о собственном «я». На этой стезе публикуемая повесть протягивает руку воспоминаниям: «Чем больше я живу, тем больше вижу, сколько накапливается разных недоразумений, неверных сведений по поводу моего характера, моей жизни и многого, касающегося меня»¹⁶.

Замечательно: и Лев Николаевич в «Крейцеровой сонате», и Софья Андреевна в романе «написанном женой Льва Толстого», утверждают одно — нельзя допустить, чтобы высшие духовные возможности человека оказывались в рабстве у плоти. Но Лев Николаевич ставит в «Крейцеровой сонате» общечеловеческие вопросы, стремится к истине, которую желал бы искать вместе со всеми: «Содержание того, что я писал, мне было так же ново, как и тем, которые читают»¹⁷, «мысли, высказанные там, верны, искренни, и я с величайшим напряжением и радостью открывал их»¹⁸. Личное вторгается в повесть в той мере, в какой жизненный опыт писателя неизбежно, преобразуясь, захватывается его творением. «Неопытность» Софьи Андреевны не в погрешностях описаний, а в том, что она не истину ищет, а доказывает Льву Николаевичу (и одновременно «всему миру»), что в неустроенности их нынешней семейной жизни виноват он. «Мне хотелось показать ту разницу любви, которая живет в мужчине и женщине...» — но вместо «Крейцеровой сонаты» с точки зрения женщины получается история о том, как некий князь (читай: граф) любит жену плотской любовью и не замечает бесчисленных и разнообразных ее достоинств. «Развенчание» князя усиливается присутствием совершенно ему противоположного третьего героя, вполне соответствующего вымечтанному княгиней идеалу чистоты и платонического поклонения.

В этом образе запечатлен не А. А. Фет, как принято считать со слов самой Софьи Андреевны¹⁹, а друг семьи Толстых, последователь нравственного учения Льва Николаевича, князь Леонид Дмитриевич Урусов, тульский вице-губернатор. При всей многолетней дружбе с Фетом Софья Андреевна однажды признается в дневнике, что «никогда ни крошечки не любила его и он был мне скорей неприятен»²⁰. Такую запись, сделанную женщиной, со счета не скинешь. Об отношениях с Урусовым она пишет как об «утонченных, чистых, умалчивающих, но, несомненно, более чем дружеских отношениях»: «Как он... избаловал меня этим вечным участием и убеждением, что я всего лучшего достойна, что я все могу, что захожу, что все, что я делаю, прекрасно»²¹. Прототип настолько близок образу, что Софья Андреевна переносит позже целые эпизоды повести в главы «Моей жизни», посвященные Урусову. Там же, в «Моей жизни», находим упоминание о том, что «Л. Н. мучила его ревность к князю Урусову»²².

¹³ «Крейцера соната» вызвала такое количество «ответов», что возник как бы жанр — «По поводу «Крейцеровой сонаты». Из семейных, кроме С. А. Толстой, с писателем спорил еще и сын Лев Львович, напечатавший рассказ с вызывающим названием «Прелюдия Шопена». «Лева заговорил о своей повести, — читаем в дневнике Льва Николаевича. — Я сказал ему, что как раз некультурно (его любимое) то, что он сделал, не говоря о том, что глупо и бездарно» (53/199).

¹⁴ 83/539

¹⁵ Письмо С. А. Толстой к дочери Т. Л. Толстой, см.: Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, Приокское книжное издательство, 1965, с. 163.

¹⁶ «Моя жизнь» (1/4)

¹⁷ 65/18

¹⁸ 87/24

¹⁹ См.: Жданов В. А. Любовь в жизни Льва Толстого. М., 1928, т. II, сс. 95—96.

²⁰ ДСТ (1/134)

²¹ ДСТ (1/136, 180)

²² «Моя жизнь» (IV/641)

Софья Андреевна «рисует» роман не только по фону «Крейцеровой сонаты», в большей степени — по фону своей с Львом Николаевичем жизни, густо населяя рассказ наболевшим — недоумениями, обидами, размолвками и примирениями. Вряд ли С. А. Толстая не печатает роман, только созная свою авторскую неопытность, вряд ли не понимает, что ее роман много больше расскажет читателям о «наших отношениях», чем «Крейцера соната».

«Мне... открылся идеал, столь далекий от действительности моей, что сначала я ужаснулся и не поверил», — рассказывает Толстой о работе над повестью²³. Софья Андреевна предполагает развенчать идеал Толстого «действительностью его»: «Если бы те, которые с благоговением читали «Крейцерову сонату», заглянули на минуту в ту любовную жизнь, которой живет Левочка, и при одной которой он бывает весел и добр, — то как свергли бы они свое божество с пьедестала, на который его поставили!» — заносит она в дневник, начиная работу над романом²⁴. Но идеал не опровергается тем, что не осуществляется в жизни людей, к нему приходящих. «Идеал, — пишет Толстой в «Послесловии» к «Крейцеровой сонате» (и просит не смешивать две разнородные вещи: предписание, или правило, и идеал), — только тогда идеал, когда осуществление его возможно только в идее, в мысли, когда он представляется достижимым только в бесконечности и когда поэтому возможность приближения к нему — бесконечна»...²⁵

Все это, пожалуй, нелишне знать, приступая к чтению повести С. А. Толстой «Чья вина?», публикуемой впервые по автографу ГМТ. Конечно, можно прочитать легко, занимательно написанную историю любви и страсти, не отягощая свою память сведениями о духовных исканиях Льва Толстого, о мучительных сложностях его семейного разлада. Но в сопряжении с жизнью великого писателя светская эта история оборачивается чем-то совершенно иным, более весомым и нужным, обретает некую объемность и многозначность. «Неопытность» Софьи Андреевны, точнее — предел ее возможностей, оказывается достоинством ее сочинения. В кратком вступлении к своим воспоминаниям С. А. Толстая объясняет: «Значение моей совместной 42-летней супружеской жизни с Львом Николаевичем не может быть исключено из его жизни»²⁶. Именно в этом, а не в полемическом смысле подзаголовков к названию романа — «Написано женой Льва Толстого» — получает особую значимость.

В. ПОРУДОМИНСКИЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Был чудный, ясный, ликующий день. Настоящий праздник летнего расцвета. Как красивы и веселы были ясное голубое небо, жаркие лучи солнца, шумные, многочисленные и разнообразные птицы в пышных деревьях и цветущих кустах! А вдали глубокое синее озеро так блестяще отражало небо и яркую, сочную, богатую растительность своих берегов.

Такой же праздничный, цветущий и светлый вид имели две девушки, бегущие от озера по тропинке к большому белому каменному дому. Они обе были босы, башмаки несли в руках, полотенца, перекинутые через плечи, были мокры, волосы распущены. Непривычные, незагорелые маленькие ноги робко и легко, как бы вздрагивая от прикосновения к земле, ступали по росистой траве, и девушки громко смеялись.

— Смотри, кто-нибудь увидит, — говорила одна.

— Так что же, разве стыдно? — широко и удивленно раскрыв глаза, спросила другая. — Ведь все бабы ходят босиком.

— А колко, больно ходить.

— Ничего, ты беги, вот так, легче!

И черноглазая худенькая девушка понеслась с такой быстротой к дому, что когда, запыхавшись, красная и взволнованная, она очутилась на балконе, она вдруг, оглядевшись, опомнилась и, застыдясь до болезненности, остановилась как вкопанная.

²³ 65/18

²⁴ ДСТ (1/163)

²⁵ 27/84

²⁶ «Моя жизнь» (1/4)

— Что с тобой, Анна? — строго и удивленно спросила мать, оглядывая с головы до ног свою смущенную дочь.

— Мы с Наташей купались и... и... мы попробовали, как ходить босиком. Мы не знали... — говорила Анна, пряча ноги.

Она искоса посмотрела на протянутую ей мужскую руку вставшего из-за чайного стола гостя, потом в глаза того, кто ее протянул, и, улыбнувшись виновато, подала ему свою.

— Я не знала, что вы приехали. Здравствуйте, князь... Я сейчас приду.

И девушка исчезла. Вслед за ней, не останавливаясь, промелькнула и другая.

Тот, кто протянул руку Анне, был старый знакомый их матери, князь Прозорский, человек лет 35, изредка заезжавший из своего дальнего имения проездом к семье Ильменевых. Он знал детей со дня их рождения, любил весь простой, веселый семейный быт всего дома и часто любовался подрастающими девочками.

Когда обе девушки одна за другой скрылись в дверях, он долго еще радостно улыбался. Давно не приходилось ему быть у Ильменевых, и, как это часто бывает, как раз в этот промежуток времени, который он провел за границей, что-то произошло с девочками. Они перестали быть ими, а вдруг перешли в возраст женщин.

Не давая себе ни в чем отчета, князь смутно это чувствовал, и в голове его повторилось впечатление стройных босых ног, темных распущенных волос на откинутой назад головке Анны и ее сильная, быстрая фигура под широким белым утренняя платьем.

— Боже мой, как тут хорошо! — сказал князь, вглядываясь в дверь, куда ушли девушки, и чувствуя в себе какой-то молодой, бодрящий подъем духа. — Как радостно, как светло! Ах, молодость! — прибавил он, вздохнув. — Ушла наша молодость, Ольга Павловна, но любоваться ей ни у кого не отнять.

— Ну, да если б всегда была молодость, ее и не ценили бы... Вы думаете, они ее замечают или ценят? Нисколько, — спокойно рассуждала Ольга Павловна.

Побеседовав еще немного, она извинилась перед князем, сказав, что ей необходимо пройти по хозяйству, но что к завтраку все соберутся.

— А вот газеты, князь, почитайте пока, тут есть интересная статья о французских беспорядках.

Ольга Павловна ушла, а обе сестры скоро вернулись. Они переоделись в темненькие, строгой простоты платья, пригладились и приняли особенно чопорный вид.

— Жаль, что переоделись, — сказал князь. — Стали барышни приличные, а то были и красивее, и натуральнее.

— А это приличнее, — сказала Наташа, наливая себе кофе.

— Все предассудки, — коротко заметила Анна, — к чему привыкли, то и прилично, — прибавила она, принявшись быстро, по одной, как птицы клюют, есть с блюдечка ягоды.

— Вам весело? — спросил князь.

— Ужасно! — ответила Анна. — Мы с Наташей так хорошо заняты. Я теперь читаю философию и пишу повесть. Наташа говорит, что хорошо: я ей всякий вечер читаю то, что напишу утром.

— А философию какую читаете?

— Теперь Дмитрий Иванович мне дал Бюхнера и Фейербаха. Он говорит, что это для начала моего развития нужно. И мне все стало так ясно! Я понимаю, что можно сделаться и матерьялисткой после таких ясных доказательств.

— А вам сколько лет?

— Скоро будет восемнадцать.

— Бросьте-ка вы Бюхнера и Фейербаха, не портите своей ясной души. Вы их не можете понять и только запутаетесь.

— Читением философии? Вот уж никогда! Напротив, разберусь в самой себе и в своих сомнениях. Я и ваши статьи читала, но они трудны, еще я не могу их хорошо понять.

— А повесть ваша о чем?

— О том, как надо любить. Вы не поймете. Вот Наташа отлично понимает.

— Понять не трудно, но Анна очень уж сентиментальна. Она мечтает о какой-то любви, которая должна быть так чиста и идеальна, чуть ли не как молитва, — сказала Наташа.

— А как помирить это с материализмом, Анна Александровна? Вот вы и попались...

— Ах, вот бабочка, которую Миша искал для коллекции, — вдруг неожиданно закричала Анна и вскочила быстрыми, сильными ногами на балюстраду балкона, стараясь поймать большую темную бабочку.

Князь вспыхнул при виде всей этой грациозной фигуры Анны, которая мелькнула перед ним в то время, как она спрыгивала с бабочкой в руке с перил балкона.

— Пойдемте гулять, далеко-далеко, и Мишу возьмем, — предложила Наташа.

Все согласился, пошли за шляпами, позвали маленького Мишу и решили идти в соседнюю деревню к кормилице Миши.

Дорога шла полем, было пыльно и жарко; все шли лениво, и разговор не клеился. Анна шла впереди всех, князь нагнал ее и, улыбаясь, сказал:

— Как в вашей жизни все ясно и просто! И сколько вы ни стараетесь их ставить себе, для вас вопросов нет и быть не может. Вы сама — своей молодостью, ясностью и верой в жизнь, вы сама — ответ на все сомнения. Боже, как я вам завидую!

— Нет, не завидуйте. Я вся в сомнениях, и... я так неразвита, — грустно прибавила она. — Когда я поняла, что в мире все есть только движение и отношение атомов, я не знаю, есть ли Бог. Вот Дмитрий Иванович — вы знаете его, студент, который к нам ходит из Сосновки, — он говорит, что Бог — это фантазия, воли Божьей никакой нет, что все — закон природы. Ведь это только слова неверующего человека. Может быть, он и прав, но я не могу еще всего понять. Мне иногда так хочется молиться — так кому же?

— А вы не слушайте никого. Дмитрий Иванович вас смущает, и это нехорошо, — сказал князь, всматриваясь в прозрачность кожи на висках Анны, сквозь которую бились тонкие голубые жилки.

Анна покраснела.

— Что он меня смущает, это правда. Но он так старается развить меня! Миша, Миша, куда ты! — вдруг вскрикнула Анна.

Но было уже поздно. Миша, которого забыли, не пошел по мосту, как все, а обходом, прямо в болото, и завяз там по колена. Князь протянул ему палку и вытащил его. Но Миша уже весь промок. Наташа, собиравшая поодаль цветы для сушения, прибежала и начала обтирать Мишу травой и платками, ворча на него сердитым голосом. Анна смеялась. Но идти дальше было немыслимо, пришлось вернуться домой.

Вечером пришел и Дмитрий Иванович, сосед по имению, белокурый бледный студент в очках и с развязными манерами. Не стеснясь ничьим присутствием, Дмитрий Иванович весь вечер не отходил от Анны. Они сидели вдвоем на крылечке террасы, читая какую-то книгу, и Дмитрий Иванович, беспрестанно останавливаясь, горячо растолковывал Анне систему Дарвина.

Князь поневоле предоставлен был появившейся к чаю Ольге Павловне, косившейся на Анну и ее собеседника, так как и Наташа была не в духе и почему-то неохотно разговаривала с князем.

Поздно вечером он уехал, сказав, что проездом из Петербурга обратно в деревню он непременно опять заедет к Ильменевым. Прощаясь, он злобно посмотрел на Дмитрия Ивановича и как бы нечаянно не подал ему руки.

«Да, за него молодость», — подумал князь; и когда он выехал из дома Ильменевых и взглянул на темное звездное небо, на потемневшее озеро и таинственную лесную даль по берегам его, ему показалось, что все в мире вдруг потухло, что всякое счастье осталось где-то там, позади, утонуло в эту таинственную ночь, и он ужаснулся.

«Эта девочка, так недавно еще ребенок, которую я носил на руках, и я — нет, это невозможно!» Ему захватило дыхание.

«Не может быть! Что это? Опять и в который уж раз все то же! Но

это не то же, что-то новое!» И опять пред ним предстала Анна, и он мысленно раздевал в своем воображении и ее стройные ноги и весь ее гибкий, сильный девственный стан.

«А глаза! Черные, как ночь, и ясные, правдивые... И что она за существо? Что-то совсем особенное. Но когда же это случилось? Почему мне вдруг кажется, что я не могу жить без этих ясных глаз, без этого чистого, веселого и милого взгляда?.. Да, еще так недавно я так спокойно и радостно смотрел на этих девочек... А теперь? Я вдруг увидел, что она женщина, что никого кроме нее нет, и я должен, да, я не могу иначе, как овладеть этим ребенком...»

Кровь бросилась в голову князю. Он закрыл глаза, чтобы яснее вспомнить Анну; коляска катилась, покачиваясь, по проселочной дороге, и езда укачивала князя, усиливая в нем чувство неги и потребность наслаждения в эту чудную летнюю ночь...

Глава 2

На другой день в просторной светлой комнате верхнего этажа сидели за столом обе сестры. Наташа шила, а Анна читала ей вслух с волнением в голосе свою повесть. Большое итальянское окно было раскрыто настежь, в воздухе было шумно и беспокойно: в озере кричали лягушки, в саду пели соловьи, на деревне слышалось пенье мужских голосов. При чтении у Анны слегка дрожал голос.

«В маленькой, бедно обставленной комнатке сидела молодая женщина и усердно шила что-то большое и белое. Она изредка посматривала в окно и вздыхала, прислушиваясь сквозь пенье висевшей над ней птички к шагам на улице. Молодая женщина недавно вышла замуж и ждала мужа с уроков. Оба были бедны, оба работали, но...»

— И твои идеалы, Анна? Ох, не ошибись! Ведь нельзя же жить одними цветочками и птичками, да еще при бедности! Есть и проза жизни: болезни, кухня, недостатки, ссоры... А ты об этом и в жизни и в повести своей умышленно умалчиваешь.

— Ничего этого не должно быть, то есть на этом не надо останавливаться. Жить надо одной духовной жизнью, а все другое — между прочим. Я чувствую, что могу довести себя до такого духовного подъема, что и есть никогда не буду хотеть. Ведь куска хлеба для жизни довольно? Да? Ну, его и подадут. Знаешь, Наташа, мне иногда кажется, когда я бегу, что вот, вот еще немножко, я крепче упрусь ногами в землю, раз — и полечу. Вот так и душа, да, тем более душа, она всегда должна быть готовая улететь, вон туда, в беспредельность... Я это так знаю и чувствую! И как это никто не понимает!

— А как же жить на земле не земной жизнью? — спрашивала Наташа. — Ты вчера еще говорила, что надо непременно замуж выйти. Ну, в замужестве с детьми и заботами поданным куском хлеба не проживешь и нигуда не улетишь.

Анна задумалась.

— Да, если смотреть на замужество, как вы все, лучше совсем не выходить замуж. Прежде всего нужна любовь, и чтоб она была выше всего земного, идеальнее... Я не могу рассказать, я только чувствую...

— Ну, довольно, Анна. Пойдем теперь вниз. И Дмитрий Иванович пришел. Анна, ты его любишь?

— Не знаю. Я люблю говорить с ним, а когда я вечером ему руку подам, и он сожмет ее как-то особенно, и рука потная — мне вдруг станет так противно! Но он, я думаю, понимает все настоящее, и он образован и умен, у него есть свои идеалы.

Сестры сошли вниз. На балконе никого не было, кроме Дмитрия Ивановича и Мишиного учителя. Они говорили об университетских порядках и пили чай. Анна спросила Дмитрия Ивановича, принес ли он ей чего-нибудь хорошенького почитать.

— А что вы называете хорошеньким? — спросил он и достал из кармана стихотворения Тютчева. — Вот что у меня случайно в кармане, — сказал он.

Анна открыла и начала пересматривать.

— Я знаю эту книгу. И как я люблю его стихи! «Слезы людские», — прочла она. — Я их наизусть знаю. «Льетесь незримые, неистощимые». Да, это слезы самые болезненные, много мне придется лить этих слез в моей жизни.

— А мне всегда кажется, что именно вам-то и не придется их лить. Вы такая всегда светлая, веселая. Только вы слишком мечтательны, Анна Александровна. Этим прожить нельзя.

— А чем же, по-вашему, можно?

— Жить надо больше общественными и земными интересами, жить участием в делах всего человечества, а не с своей внутренней слабостью возиться.

— А что для этого нужно?

— Во всяком случае, не оставаться на облаках, а действовать. Попробуйте, Анна Александровна, жить более здраво, без предрассудков и — главное — без плаксивой религиозной фальши.

— Можно и попробовать, — грустно сказала Анна. — Но что это за выражение «плаксивой религиозной фальши»? Разве у вас нет религии? Разве можно жить без нее? Скажите, вы верите в Бога?

Дмитрий Иванович насмешливо и снисходительно улыбнулся.

— Почему вам так нравится слово «Бог»?

— Не слово, а идея Божества мне необходима. И эту идею я вам не уступлю, слышите?.. — вдруг горячо заговорила Анна. — Если нет Бога, то нет и меня, нет ничего, ничего... Нет жизни!..

Анна вспыхнула, глаза ее блеснули, голос слезливо дрожал, она отвернулась и замолчала. Дмитрий Иванович хотел опять иронически улыбнуться, но, когда он взглянул на Анну, ему стало неловко и он опустил глаза.

Наступила ночь. Месяц давно взошел и освещал недалеко от дома полянку около озера. Контуры темной зелени окружавших полянку деревьев еще темнее обрисовывались на фоне светлого неба. Этот свет из-за темноты так и манил к себе, и когда все уже разошлись спать, Анна долго стояла на террасе, все глядя на эту полянку, и весь хаос мыслей, в последнее время занимавших ее вследствие чтения философских книг и разговоров с Дмитрием Ивановичем, стал как будто тихо разъясняться и отходить от нее.

Какой-то шорох из сада заставил ее вздрогнуть. Из сада шел Дмитрий Иванович. Он шел из флигеля, где жил учитель Миши, собираясь пройти домой садом, но, увидев Анну, он взошел на террасу и подошел к ней. Ей стало досадно, что он нарушил ее настроение, и она молча, не глядя на него, продолжала смотреть на светлую полянку и дальше в глубь озера.

— Какой у вас был вдохновенный вид, когда вы говорили о Боге, Анна Александровна!

Анна сердито молчала.

— Анна Александровна, как много в вас огня и энергии! Из вас могла бы выйти деятельная, прекрасная женщина, если б вы поверили развитию человеку, если б вы отдались его влиянию, если б вы полюбили!..

Дмитрий Иванович тихо подкрался к Анне и, взяв ее руку, неожиданно поцеловал ее.

То, что сделалось в эту минуту с Анной, он никак не ожидал. Эта тонкая, нежная девочка преобразилась в фурию. Черные глаза ее бросили такой поток злобной молнии в Дмитрия Ивановича, что он остолбенел. Она вырвала руку, брезгливо перевернув ее ладонью кверху, отерла о платье и закричала:

— Как вы смеете! Фу, какая гадость! Я вас не...на...вижу!

Стыд, отчаяние, злоба за нарушение ее молитвенно-созерцательного настроения, брезгливость и гордость, — все поднялось в ней. Она бросилась бежать прямо в спальню матери и кинулась на кушетку, громко рывая.

Ольга Павловна, уже готовившаяся ко сну, страшно перепугалась.

— Что случилось? Что с тобой?

— Мама, как он смел! Дмитрий Иванович на террасе сейчас поцеловал мне руку. Какая гадость!

Анна схватила с туалета склянку с одеколоном и начала смывать поцелуй Дмитрия Ивановича, продолжая всхлипывать.

— Да где же ты его видела?

— Он... нет, я была на террасе, я смотрела на луну, он пришел, мне стало досадно, он что-то говорил, а я хотела быть одна, и вдруг неожиданно он схватил мою руку и поцеловал. — Анна вздрогнула и опять провела тонкой рукой по платью.

— Ну и поделом. Что за манера одной, девочке, оставаться на террасе, когда весь дом спит, — ворчала Ольга Навлювна. — Ну, ты успокойся, — продолжала она смягченным голосом, — я напишу Дмитрию Ивановичу записку и попрошу его прекратить свои посещения.

— Пожалуйста, мама!

— Ну, ну, иди спать. Мне и так очень не нравились ваши разговоры. Прощай же, сестра твоя давно легла.

Анна успокоилась не скоро. Когда она пришла наверх, она долго сидела молча у стола, усмиряя свое взволнованное сердце, и наконец взяла дневник и стала писать:

«Да, любовь эта была ошибка, обман воображения. Чего же я хочу, чем недовольна? Отчего душа моя так разрывается? Молодость ли жизни просит, а жизни настоящей нет, или жаль мне всех, кто несчастлив? А счастливые все эгоисты. Откуда людям счастье? От судьбы?.. А что такое судьба? Закон природы, движение вселенной, воля Божья. Божья, да, несомненно. Хорошо молиться Богу! А если молитва только игрушка для горьких? Но я не могу ломать ее. Я не могу признать, что все на свете есть только движение атомов, что я добра и зла только потому, что хорошая или дурная погода, что люди нравственны потому, что движение крови медленнее и они бесстрастны, что известное сочетание материальных частиц производит перевороты в людях и их судьбах... Боже мой, какой хаос в голове моей! Как все загадочно в мире, как я жалка, неразвита, бессильна и спутана... Боже мой, помоги мне, просвети меня!..»

Анна бросила в стол дневник, стала на колени и долго молилась. Давно она этого не делала. Такое молитвенное состояние бывает у людей или в минуты большого горя, или в минуты большого нравственного роста. Так было с Анной.

Когда она поднялась, утомленная и разбитая, она почувствовала, что что-то совершилось с ней и что теперь будет все другое.

Она легла в постель и, развязав розовые ленты кисейного белого полога, спустила его вокруг себя.

Все стихло; ни звука не было слышно из окна. Грустно смотрело летнее бледное небо, с одной стороны освещенное только что закатившейся луной, а с другой — еще не восшедшим солнцем.

Анна нервно дрожала, глядя в окно, и заснула тревожным сном.

Глава 3

Для Анны незаметно наступил совсем новый период ее девичьей жизни. Точно она стряхнула с себя всякие искания, сомнения, все те вопросы и умственные узлы, которыми она путала жизнь. Молодость взяла свое. Беззаботная, веселая Анна начала смотреть в глаза миру Божьему с такой смелой ясностью, как будто открыла в нем новые радостные стороны, прежде чем-то от нее скрытые.

— Наташа, я теперь приведу себя в порядок, — говорила она раз сестре, собирая свои рисовальные принадлежности. — Пока не слишком темно, буду писать всю осень масляными красками и непременно всякий день. После обеда гулять, читать и писать дневник. Когда ты начнешь учение в школе, я тебе буду помогать.

— Ну, уж этому я не верю. Знаю я твою помощь: прибежишь на пять минут, поболтаешь, прочтешь что-нибудь бесполезное — и только.

— Ах, Наташа, по-твоему, только арифметика нужна. А по-моему, нравственное развитие еще нужней.

— Ну, уж не мы с тобой это сделаем в несколько недель. Ведь до отъезда в Москву удастся заняться школой не больше двух месяцев. Тут дай Бог грамоту начать, а о развитии и думать нечего.

— Вот если б всю зиму тут остаться!

— Мало ли что! Нельзя. Мама скучно, Мишу в гимназию отдадут.

— А когда школа? — спросила Анна.

— Завтра придут взрослые девки вечером, я обещала им почитать. А с понедельника и школу открою. Мне бы только начать самой, наладить все, а там учителю передать.

— Однако я иду, а то поздно будет. — И Анна, взяв небольшой холст, шкатулку с красками и зонтик, вышла в сад и направилась к озеру. Выбрав место, которое она давно наметила как необыкновенно живописное, она воткнула зонтик в землю и принялась за работу. Писала она легко, весело: просвет голубого неба между нависших ветвей деревьев вышел так хорош, что Анна сама любовалась своей картинкой. Она нервно переносила руку с палитры на полотно и обратно и до того увлеклась своей работой, что не заметила, как подошел к ней сзади князь Прозорский, который, возвращаясь из Петербурга, снова заехал к семье Ильменевых.

— Вот где я вас нашел, — сказал он Анне, здороваясь с ней. — У, да как вы хорошо пишете! Какая вы, однако, талантливая, я и не знал.

— Правда? Я собираюсь много работать. А если вы говорите, то тем более. Ведь вы все понимаете, — прибавила Анна, доверчиво и нежно глядя в глаза князю, к которому с детства привыкла так относиться, не сознавая никогда почему. Вероятно, потому, что все в доме, начиная с старой няни, Ольги Павловны, Миши, — все привыкли любить князя, так давно знакомого и привычного посетителя семьи Ильменевых. Он был знаком с Ольгой Павловной с детства, они были соседи. И когда Ольга Павловна вышла замуж и получила в приданое то самое имение, в котором жила в детстве, князь продолжал изредка посещать ее. Потом она овдовела и долго не решалась вернуться в свое имение. Князь не видал ее несколько лет и встретился с ней уже тогда, когда девочки подросли, а Ольга Павловна постарела.

Князь Прозорский был не столько красив, сколько утонченно изящен. Обширное образование и большие средства открыли ему всюду двери. Он много путешествовал, прожил бурную, веселую юность, от всего устал и поселился в деревне, занимаясь философией и воображая себя глубоким мыслителем. Это была его слабость. Он писал статьи, и многим казалось, что он действительно очень умен. Только чуткие и очень сведущие люди видели, что в сущности философия князя была очень жалка и смешна. Он писал и печатал в журналах статьи, не имеющие ничего оригинального, а представляющие из себя перетасовку старых, избитых тем и мыслей целого ряда мыслителей древних и новых времен. Перетасовка делалась так ловко, что большинство публики читало их даже с некоторым увлечением, и этот маленький успех бесконечно радовал князя.

Но не это заставляло Анну относиться к князю доверчиво и нежно. Анна любила в нем ему одному свойственную, выработанную большим успехом в свете участливую ласковость, с которой князь обращался ко всем женщинам и этим привлекал их всех. Наташа и Анна тоже поддались этому обаянию, и посещения князя были для всей семьи праздником. Он умел, как они шутя говорили, **поднять** интересные вопросы, вести разговоры самые увлекательные; умел вовремя помочь сделать пасьянс Ольге Павловне, научить Мишу делать коллекции бабочек и жуков, пошутить с старой няней и дать щедрые «на чай» прислуге.

— Вы в доме были, князь? — спросила Анна.

— Был, всех видел и искал вас. Мне и указали сюда. Ведь без вас в доме, как в фанаре без огонька, все темно и скучно.

— Неужели вы так думаете? Да что же во мне?.. — спросила она, вся вспыхнув. Ей показалось таким неожиданным счастьем, что этот привлекательный, всеми любимый князь так говорит о ней, ничтожной девочке, которую он знал ребенком. И вспомнилось ей, каким она была плохим, шаловливым, ленивым и бестактным ребенком. Вспомнила она и то, как князь, бывало, осторожно и деликатно останавливал ее в тех случаях, когда она с свойственной ей живостью и решительностью говорила или делала какие-нибудь крайности. Анна всегда думала, что он презирал ее и одобрял Наташу, и вдруг сегодня он хвалил ее картину и сказал, что без нее скучно. Неожиданное счастье, совсем безотчетное, охватило ее сердце.

Анна продолжала писать. Она не могла оторваться глазами от чудесной плачущей березы, нагнувшейся к озеру, белый ствол которой выходил ненатурален у ней на полотне, но был удивительно красив на фоне приняв-

шей уже осенний вид разноцветной листвы. Но она чувствовала на себе взгляд князя, рука ее дрожала, и сердце сильно билось.

— Довольно, не могу больше, — сказала она. «Что со мной, отчего я так волнуюсь? Верно, оттого, что он похвалил меня!» — думала, Анна. Стало темнеть, сделалось свежо. Анна сложила зонтик, собрала все вещи, которые князь тотчас же взял у нее из рук, и оба пошли к дому.

Князь шел сзади и пристально, с видом знатока в женщинах любовался ее легкой и сильной походкой, всегда означающей здоровый внутренний организм, любовался удивительным постановом маленькой головы на тонкой округленной шее, каждый поворот которой был живописен и грациозен, и тонким станом, перепоясанным лентой. Ветер отдувал назад ее ленты и платье, которое обтягивало беспрестанно ее ноги; черные тонкие волосы с едва заметным золотистым оттенком придавали ее лицу и шее еще больше нежности и белизны.

Когда Анна, подходя к дому, оглянулась на князя, ее смутил его взгляд. «Что с ним? — подумала она, — он сейчас так ласково хвалил меня, а теперь в выражении его глаз что-то чуждое, даже зверское... За что?»

Да, за что? А вина ее была только та, что ее стан, ее волосы, ее молодость, ее хорошо сшитое платье и стройные ноги, — весь этот неведомый ее детской невинности соблазн волновал этого пожившего холостяка, почувствовавшего в этой девочке тот редкий тип женщины, которая под этим невинным, полудетским образом таила в себе все свойства горячей, сложной, художественной и страстной женской натуры. И хотя в душе этой девочки в противовес ее природе бессознательно, но твердо поставлены были высочайшие идеалы религиозности и целомудрия, князь последние свойства ее не ценил и не видел, но первые чувствовал всем своим существом и оттого поглощал ее этим почти зверским взглядом, смутившим и испугавшим так Анну.

Глава 4

Хотя князь должен был ехать домой и даже сказал, что он спешит увидеть мать, уехать он был не в силах, а вместо того стал ежедневно бывать у Ильменевых. Он выдумал, что у него дела в ближайшем уездном городе, и просил позволения у Ольги Павловны приезжать отдыхать от дел в ее милой семье. Все были рады любимому гостю, и князь стал бывать каждый день. Он отлично чувствовал, что поворота для него не было. Страсть его к Анне усиливалась с каждым днем и до того овладела им, что он не спал ночи, мучался сомнениями и больше всего боялся встретить вместо любви удивление с ее стороны, когда он сделает ей предложение.

Он жил в грязном номере уездного города, скучал, томился, писал письма Анне, которые носил в кармане, но не решался ни на что. Так прошли две недели.

Между тем Анна продолжала жить своей легкой, веселой и по-своему занятой жизнью. Что может быть счастливее этого свободного девичьего досуга, которым так хорошо и разнообразно умеют пользоваться умные и здоровые девушки и который тратится на расчесывание нерв у ненормальных.

Анна занималась живописью, сажала с садовником и девочками выписанные ею редкие растения и деревья, которые ей хотелось акклиматизировать, писала дневник, учила Мишу музыке и сама разучивала трудные фуги Баха. Кроме того, она с лебедником Флоринского в руках часто бегала на деревню к больным, напрягая все свое внимание и все силы, чтоб хоть этим заменить свое незнание и неопытность в деле лечения.

День был весь полезно и радостно наполнен, а постоянное присутствие князя и смутное сознание, что он любит ее, придавали Анне еще больше энергии и интереса ко всему. Тот день, который он, совесть бывать ежедневно, не бывал у Ильменевых, ей казался неполным, скучным, и всякое дело как бы теряло смысл. Она ждала его, чтоб сообщить о всем пережитом в его отсутствие, она горячо вводила его в свои интересы, обманываясь его сочувствием, скрывавшим его простое восхищение ею, и не сознавая, что все это направлено было только на ее внешность и молодость.

Наташа открыла школу и вечерние чтения для крестьянских девушек.

Она вся отдалась этой деятельности, заглушая в себе некоторую зависть к сестре за предпочтение ее князем, которого любила так же, как и все. Ее удивляло восхищение князя перед жизнью и занятиями Анны, на которые она смотрела с некоторым презрением и считала бесполезными.

Было воскресенье, в небольшом флигеле, отведенном для школы, за простым деревянным столом сидело человек 12 крестьянских девушек. Некоторые серьезно и внимательно читали по складам, тыкая пальцами в книгу, другие старательно и красиво выписывали буквы и шептали написанные слова. Высокая, красивая Любаша сидела возле Наташи и бойко читала рассказ из крестьянского быта. Было уютно, благообразно в этой небольшой светлой комнатке, но все казались утомлены и скучны. Наташа занималась добросовестно, но не умела внести в свое дело оживление.

Дверь тихо отворилась, и вошла Анна. Она осторожно прошла в угол, села и стала слушать. Князь не был весь день, и Анна тосковала по нем, не решаясь признать себе в этом. На столе лежало Евангелие; она взяла его и стала загадывать, задавая себе разные вопросы.

Читая воображаемые ответы, она просто увлеклась чтением той священной книги, которая дает разрешение всем самым сложным сомнениям в жизни.

Вдруг ей захотелось узнать, на какой степени духовного развития находятся эти девушки. Она тут же вспомнила рассказ князя о том, какие ответы дают крестьяне о Святой Троице, и спросила:

— Девушки, из кого состоит Святая Троица?

— Господь Бог, Божья Матерь и Никола Угодник, — бойко ответила Любаша.

— И что скажет, — перебила ее тихая, серьезная Марфа. — Троица значит: Бог Отец, Бог Сын и Богородица.

— И Дух Святой, — строго поправила Наташа.

— А Евангелие вы читали? — спросила Анна.

— В церкви слышали. А то Наталья Александровна нам читали, лется, на Страстной, о страданиях Христа.

— Ну, а я вам почитаю об учении Христа.

Анна нашла свои любимые места и начала читать Заповеди блаженства и Нагорную проповедь. Звучный, отчетливый голос ее, с врожденной ей чуткостью, придавал особенное выражение именно тому, что больше всего трогает сердца людей. Когда она кончила главу, она начала ее объяснять. Все девки ее окружили, некоторые плохо ее понимали, но религиозное одушевление Анны сообщилось ее наивным слушательницам.

— Еще, еще, — просили они.

Тогда Анна прочла им об отречении Петра, о молитве в Гефсиманском саду и о предании Иуды. Она принесла картинки, толковала, волновалась сама. Многие из девушек плакали. Задумчивая Марфа взяла тихонько руку Анны и держала в своей; горячая, бойкая Любаша охватила своей рукой тонкую шею Анны и звонко поцеловала ее в губы.

В то же время послышался у крыльца большого дома шум подъехавшего экипажа. Анна вскочила, и радость изобразилась на ее лице.

— Это князь, — сказала Наташа. — Ну и иди, ты только нам помешала. Я думала, что он уж не приедет. Да что с тобой? — спросила Наташа, взглянув на взволнованную сестру.

— Je crains d'être le prince *, — быстро проговорила Анна, схватилась рукой за грудь, как бы желая остановить биение сердца, и выбежала вон из комнаты.

Разгоряченная, быстрая и легкая, она вбежала в просторную переднюю, где князь снимал пальто, и когда он взглянул на нее, он был поражен красотой этой разгоревшейся девочки с вдохновенным взглядом от только что пережитого волнения, с горящими черными глазами, весело и нежно смотревшими на него, и в первый раз он почувствовал, что она рада ему, что, стало быть, возможна любовь и с ее стороны. Но в то же время он невольно почувствовал и то, что это прекрасное создание, которое он так хорошо и всесторонне узнал в последнее время, с поэтическими, чистыми требованиями от жизни, с религиозным настроением и высокими идеалами

* Я боюсь любить князя (франц.).

разобьется об его эгонистическую, плотскую любовь, об его отжившее существование.

«Все равно, иначе нельзя, и пусть будет так», — подсказывал ему тот голос, который всегда готов заговорить так в людях, привыкших помнить только себя и дорожить своим счастьем и своими наслаждениями. «Моя, моя...» — внутренне радовался князь, целуя руку Анны.

В этот вечер должно было совершиться все, чего он так желал. Это чувствовал и он сам и почувствовала и Анна. Было какое-то общее неловкое напряжение, ждалось разрешения того, что в последнее время тяготило всех.

Пили чай в столовой; потом все разошлись. Миша ушел рано спать, Наташа села поправлять тетради своих учениц, Ольга Павловна сидела на своем обычном месте, на диване, в углу гостиной, делала пасьянс и вязала одно из бесчисленных одеял, предназначенных разным родственникам и друзьям.

Князь попросил Анну сыграть что-нибудь и прошел за ней в залу.

— Мне не хочется играть, — сказала она, — я очень устала сегодня.

— Все равно, что-нибудь, пожалуйста. — Князь очень волновался и хотел выгадать немного времени. — Вот прелюдии Chopin, вы их так хорошо играете. Лучше Chopin никто не умел вложить в музыку все тончайшие человеческие чувства.

Анна начала играть почти машинально. Волнение князя сообщилось ей. Князь прислонился к стене и откинул назад свою красивую голову. В нем, видимо, происходила страшная внутренняя работа, но наконец он решился и заговорил тихо, беспрестанно останавливаясь:

— Анна, мне надо поговорить с вами. Я давно собирался, но это так трудно! — Князь помолчал. — Приходило ли вам когда-нибудь в голову, что старый друг семьи вашей мог бы посмотреть на вас иначе, чем на милую, любимую девочку?.. — Голос князя оборвался. Анна вздрогнула. — И почувствовать, — продолжал он после перерыва, — что без этой девочки нет для него ни жизни, ни счастья — ничего.

Анна вся дрожала, тонкие похолодевшие пальцы ее перестали ей повиноваться, и прелюдия Chopin оборвалась.

— Играйте, играйте, — умолял князь.

Анна продолжала тихо и нервно перебирать по клавишам, и под пальцами ее снова запела грустная мелодия Chopin.

— Вот что, Анна, я ничего еще не требую от вас, я только люблю вас так, как еще никто в мире не любил. Вам, может быть, смешно видеть вашего старого друга у ваших детских ног. А мне уж так не смешно! Я измучился все это время, и, несмотря на то, я прошу вас об одном: если вы не можете любить меня, когда вы будете моей женой, то не говорите мне ничего, отбросьте меня. Лучше пережить теперь это страдание, чем тогда, когда вы будете моей женой.

Князь замолчал. Он был бледен, и губа его слегка дергалась. Да, это была любовь, любовь, совсем не похожая на те случайные интриги, к которым привык князь. В этой любви он чувствовал то чистилище, в котором он забудет всю нечистоту своих прошедших грехов. И князь радовался и в то же время ужасался этому.

Анна перестала играть, взглянула на князя, на минуту задумалась, но вдруг решительно встала, выпрямилась и подошла близко к нему.

— Да, я буду любить вас, когда буду вашей женой, — ответила она просто и скоро, протягивая князю руку и наивно и ласково глядя ему прямо в глаза, и князь понял, что она лгать не может, не умеет и что эта правдивая девочка так же твердо и просто сдержит свое слово, как дала его в эту минуту.

Князь схватил ее руки и начал целовать их.

— Правда? Правда? — твердил он. Она не отнимала рук и спокойно и радостно смотрела на его страстные поцелуи, но лицо ее не выразило ни тени волнения в ответ на его неудержимую страсть.

Когда вечером после этого важного события она легла в свою девичью постель, ей представилась вся ее будущая жизнь. Не было ни страха, ни сомнения, что она будет почему-нибудь несчастлива с этим привычным, добрым, участливым другом, который так ее любит, так умен, образован, красив и изящен. Она радовалась, что взойдет в его жизнь, и так горячо

готовилась отдать ему всю себя на помощь всем его действиям, которые наверно благородны, полезны и прекрасны во всех отношениях, что заснула с спокойной улыбкой счастья на лице.

Глава 5

На другое утро Анна сообщила матери и сестре о предложении князя. Все ждали его и приняли как должное. Ольга Павловна взволновалась о приданом и немедленно собралась в Москву готовить его. Она объявила Анне, что дней через пять повезет и ее примеривать все то, что будут ей шить. Анна попробовала противиться и просила избавить ее от этой муки. Но Ольга Павловна пришла в такое волнение, что пришлось уступить и обещать покориться.

Князь проводил целые дни около Анны. Он был все время страшно взволнован и торопил свадьбой, говоря, что никакого приданого не надо. Когда он оставался с Анной наедине, волнение его доходило до того, что он не находил, о чем говорить, молча целовал ее руки и часто не слушал даже ее речей. Несколько раз пыталась Анна рассказывать ему, как бывало прежде, о своих личных интересах, о том, как трудно было учить Мишу музыке, потому что у него слуху нет, как она вылечила оглохшую девочку или как она вдруг поняла Шекспира и полюбила его, — он ко всему относился равнодушно, и только одно его занимало: любит ли она его и скоро ли свадьба?

Друзья, родственники и соседи приезжали поздравлять Анну, и она гордо и счастливо принимала поздравления, ни минуты не сомневаясь, что счастье ее будет беспредельно.

Только один раз нанесен ей был случайный, но непоправимый удар, отравивший ее счастливое состояние.

Приехала поздравить Анну соседка, старая помещица, не любившая за что-то князя. Говоря с Ольгой Павловной, она таинственно сообщила ей в вульгарных выражениях в присутствии Анны, что князь был ходок по женской части, и при этом что-то шепнула на ухо Ольге Павловне. Ольга Павловна смутилась, но махнула рукой и сказала: «Ну, все они такие до женитбы».

Анна, ни разу не подумавшая о том, что князь до 35 лет мог любить кого-нибудь, страшно смутилась, слезы подступили к ее горлу. Она ушла в свою комнату и долго молча сидела у окна, стараясь успокоиться.

Вошел князь и тихонько нагнулся к ней. Она обернулась и, взяв его за руку, посадила возле себя.

— Что это какая вы сегодня серьезная, Анна, что с вами? — спросил князь.

— Мне очень нужно поговорить с вами. Скажите мне, князь, правду, но истинную правду. Вы прежде меня многих любили? Сколько?

В голосе ее слышались слезы.

— Зачем вы спрашиваете, Анна, и мучаете только себя и меня. Конечно, я не могу внести в свою брачную жизнь ту чистоту, которую бы желал. Ведь я уж так стар, Анна, и поправить прошедшее я не в силах, — прибавил он как бы с сожалением, — я могу только ручаться за будущее. Но то, прежнее, не была любовь, я уверяю вас, так я никогда не любил. Это что-то новое, неожиданное, прекрасное. Это то, о чем я не имел понятия и не смел мечтать.

Она внимательно посмотрела на него, как бы спрашивая, правда ли это, и дрогнула.

Князь уловил это содрогание, понял его и подвинулся к ней ближе. Она отстранилась немного назад, но князь схватил ее руки и начал страстно целовать их.

— Вы меня любите, Анна, да?

— Да, да, — тихо ответила она.

Князь осторожно нагнулся еще ближе к ее лицу и в первый раз поцеловал ее в губы.

Анна не двинулась, она вся онемела. По всему телу ее пробежало еще неведомое ей раньше волнение страсти, и всю ее бросило в жар. Перед измученным воображением ее пронесся целый ряд разных женщин, которых

любил он. Ей вдруг захотелось схватить его в свои объятия и закричать: «Не смей никого любить, кроме меня!» Голова ее кружилась, она тряслась, как в лихорадке, и не понимала, что с ней.

Но князь понял, что с ней сделалось, и, улыбнувшись, выпустил из рук ее худенькие дрожавшие руки и отошел от нее.

Анна просидела несколько секунд, опустив голову, и строго, спокойно сказала:

— Теперь уйдите, я скоро приду.

Когда она сошла в столовую обедать, она лениво и грустно села за стол и не коснулась ни до чего. После обеда все поехали на соседний хутор кататься. Анна весь вечер избегала говорить с князем. Она убегала в чащу леса, собирала поздние, вновь зацветшие цветы, вдыхала свежий воздух. «Как здесь легко и хорошо! — невольнo думала она. — А на душе что-то так тяжело! Забыть, скорей забыть!»

Через два дня мать увезла Анну в Москву примерять приданое. Безучастная ко всему, она предоставляла делать над собой все, что хотели. Ни платья, ни красивые вещи, ни подарки жениха ее не интересовали. Мать не на шутку тревожилась, что дочь ее серьезна, бледна и ничего не ест. Анна была очень нетерпелива в Москве и поспешила вернуться домой. Присутствие князя ей стало необходимо, только при нем она немного оживлялась. Но они поменялись ролями. Теперь он был разговорчив, нежен и ласков с ней, он точно берег ее и старался успокаивать ее нервы. Она же молча сидела около него, слушала его рассказы об его путешествиях, о жизни в разных странах, куда он ездил и где жил по службе или для своего удовольствия, и голос его действовал на нее успокоительно, подчиняя ее всю любимому человеку. Иногда, красная и взволнованная, она требовала от него рассказов об его прежних увлечениях. Он избегал давать ей ответы, видя, как вопросы эти волновали ее, отделялся нежными словами и общими местами. Но она снова возвращалась к тому же. Разговоры эти вызывали в ней то чувство, которое бывает, когда при первой боли виска или зубов надавить крепко на больное место, и эта новая боль как бы успокаивает старую и минутно заставляет забывать ее.

Так было с Анной, и отделаться от этой боли она не могла во все время, пока была невестой.

Глава 6

Наконец назначили день свадьбы. Как сон вспоминала потом Анна весь этот день. Съехались родные князя и их собственные; ее одевали разные подруги; Наташа и Ольга Павловна плакали, прикалывая ей цветы и вуаль. Промелькнули шафера с белыми цветками в петлицах. Потом подали много-много экипажей тройками, четверками; лошади украшены разноцветными ленточками, кучера нарядные. Подали и ей карету, куда сунули Мишу в белой матросской курточке с образом в руках, куда села и она с крестной матерью, теткой Ольги Павловны, старой фрейлиной, приехавшей нарочно из Петербурга на ее свадьбу.

В церкви было много народу; мелькнули перед ее глазами и Любаша, и Марфа, и все знакомые лица их деревни. Обряд венчания уже мало ее тронул, слишком она вся застыла и точно окаменела.

Дома в большой зале были накрыты столы, украшенные цветами и фруктами; стояли какие-то незнакомые лакеи.

Когда перед венцом мать благословляла Анну, она вдруг на минуту проснулась и поняла, что что-то обрывается в ее жизни; что-то, чем она жила со дня рождения, кончается сегодня, вот сейчас, и вдруг рыдания подступили к ее горлу, она бросилась на шею матери и, всхлипывая, повторяла: «Прощай, мама, прощай. Мне дома было так хорошо! Мама, спасибо тебе за все!.. Не плачь, Боже мой, не плачь, пожалуйста! Ты ведь рада?.. Да?..»

Наконец все кончилось. Подали большой новый дормез, привязали сундуки, лакей князя вскочил на козла, и переодетая в дорожное платье Анна, сопровождаемая мужем, должна была сесть в карету. Еще раз она услышала крик горя матери, услышала, как увели ревущего Мишу. Дверка захлопнулась, и карета двинулась.

Был сентябрь. Шел мелкий дождь; шестерка прекрасных лошадей князя, выписанная им из его именья, громко шлепала ногами по лужам широкой проселочной дороги; зажженные фонари отсвечивали в грязной воде, было сыро и темно. После ярко освещенного дома, полного гостей и привычных, милых лиц, этот переход к мраку ночи и тишине унылой деревенской природы был особенно резок. Анна сидела в углу кареты и тихо плакала.

— Мне грустно, мой друг, что брак наш причинил тебе столько горя, — сказал князь, беря Анну за руку и целуя ее.

— Ведь не могли же вы думать, что мне не будет жаль всех их оставить?

— Зачем вы? Ты меня не любишь, я все еще чужой тебе, мой друг.

— Я привыкну потом говорить вам ты, а теперь еще это так ненатурально!

— Но ты любишь меня, скажи... — повторял князь, нагибаясь к Анне в темноте кареты и страстно целуя ее похолодевшие нежные щеки.

— Я думаю, что я люблю вас, — покорно отвечала Анна и вспомнила опять мать, слезы Миши, свою комнату с Наташей и со всей поэзией девичьей жизни, вспомнила и то, что она через несколько часов будет дома уже в другом месте, и это навсегда.

Вдруг она почувствовала, что князь осторожно обнял ее, притянул к себе, что она близко-близко видит его неестественно взволнованное лицо, слышит его прерывистое, с запахом табаку и духов теплое дыхание. Испуганная и покорная Анна откинула назад голову, закрыла глаза и прижалась в самый угол кареты. Князь, обнимая, страстно целовал ее.

«Да, это все так надо, все так, — думала она, — мама говорила, что надо быть покорной и ничему не удивляться... Ну, пусть... Но... Боже мой, как страшно и... как стыдно, как стыдно...»

Карета продолжала ехать. До именья князя было 60 верст. На половине дороги была послана подстава и пришлось остановиться в приготовленном заранее пустом флигеле необитаемой усадьбы. Когда отворили дверку кареты, Анна быстро выскочила из нее и, попадая в лужи, пробежала на незнакомое крыльцо и в отворенную дверь в просторную освещенную комнату. Сбросив с себя плащ, она села, поджав ноги, на диван и вся тряслась, оглядывая накрытый стол с самоваром, топящийся камин и всю чуждую обстановку.

— Что ты такая испуганная? Делай же чай, душенька, — сказал князь, целуя ее.

— Да, сейчас, — ответила Анна, как бы выходя из оцепенения и поднимая свою опущенную стыдливую голову.

«И отчего мне стало вдруг с ним так чуждо и неловко», — подумала Анна.

«Как это, однако, скучно и тяжело, что она так всего боится, — подумал князь. — Что-то дальше будет? А ведь это начало этого хваленного, прославленного медового месяца! Неужели кроме пугливости и грустной покорности я ничего от нее не добьюсь?..»

И ничего он и не добился. Над ребенком совершенно было насилие; эта девочка не была готова для брака; минутно проснувшись от ревности женская страсть снова заснула, подавленная стыдом и протестом против плотской любви князя. Осталась усталость, угнетенность, стыд и страх. Анна видела недовольство мужа, не знала, как помочь этому, была покорна — но и только.

Ехать дальше было невозможно, да и князь не решался. Проливной дождь, темнота, дурная дорога, все это задержало молодых, и пришлось ночевать в этом чужом доме.

Глава 7

На другое утро приехали молодые в богатую усадьбу именья князя. Старушка, мать князя, встретила их с образом, хлебом и солью. Нежная, благовоспитанная старая княгиня сразу полюбила Анну. Она почувствовала в ней ласковую женскую опору в будущей жизни ее в этом доме, и ей стало легко.

Анна обежала весь роскошный, прекрасно устроенный и красиво меблированный старинный дом, познакомилась с прислугой, спросила, где ее комната, и начала раскладывать вещи и убираться в своем новом жилье. С свойственным ей художественным вкусом она убрала свою комнату так красиво и оригинально разными привезенными ею и подаренными князем вещичками, что князь поражен был ее видом. Тут были и девичьи игрушки, и книги, и портреты, и этюды, и мольберт с начатым пейзажем, и вазы с осенними разноцветными цветами и листьями.

Но в изящной комнате этой сидела уже не прежняя Анна. Ни за что она не могла приняться: ни живопись, ни книги, ни даже прогулки по чудесным садам и лесам ее нового местопребывания не веселили ее. Она чувствовала себя разбитой, грустной и больной.

«Отчего я заснула? — часто спрашивала она себя. — Ведь я шла за муж по любви, мы прежде так много и хорошо разговаривали, а теперь я боюсь его и не знаю, о чем с ним говорить».

Князь с недоумением и некоторой досадой следил за состоянием Анны и видел, что из всего того, что рисовало ему его испорченное воображение, когда он думал о медовом месяце с восемнадцатилетней хорошенькой женой, не вышло ничего, кроме скуки; скуки, разочарования и мучительного состояния молодой жены. Он ни разу не подумал о том, что надо было прежде воспитать ту сторону любовной жизни, которую он привык так разнообразно встречать в тех сотнях женщин всякого разбора, с которыми ему приходилось сходиться в жизни.

Он не понял, что то, что огорчало его теперь, составляло ее прелесть и обеспечивало его спокойствие по отношению к ее чистоте и верности в будущем. Он не понял и того, что пробужденная им хотя и поздно страсть для него одного и останется; что стыдливость по отношению к мужу разовьется в еще большую стыдливость по отношению к другим и навсегда обеспечит его честь и спокойствие.

Между тем Анна все больше и больше привыкала к своему положению и привязывалась к своему мужу. Она старалась войти, сколько возможно, в жизнь и интересы князя и помогать ему. Она ходила или ездила с ним по хозяйству, читала его статьи и переписывала для поправок; по вечерам князь или Анна читали в комнате старой княгини вслух новые книги и журналы.

Иногда Анна приходила в детское, игривое настроение, смешила старую княгиню, бегала, прыгала и с потребностью движения и молодого веселья искала ему исхода, но не находила в однообразной своей обстановке.

Князь был хороший хозяин и страстно любил это дело. Женитьба отвлекла его на время от хозяйственных забот, но зато теперь он спешил нагнать потерянное время. Везде шла работа. В лесу толпы мужиков вычищали сушь; весь день слышались во всех концах леса удары топоров, перекликивание голосов. В саду кончали подсадку и убирали в оранжерею выставленные деревья и растения. На гумне шла усиленная молотба на паровой молотилке. Сам князь находился весь день при посадке молодого леса, что было его любимым занятием. Он распоряжался сам, мерил расстояния между ямок, торопил поденных.

— Смотри, дернину вниз ямки клади, вот так, переверни и разбей землю, — говорил он одной бабе. — Постой, так нельзя, ты корни слишком глубоко зарываешь, — говорил он другой.

Сорок поденных баб и девок воздвигали ряды молоденьких деревьев, а короткий день уже кончался, и пора было отпускать поденный народ.

Анна, ждавшая князя к обеду, не вытерпела и пошла сама за ним. Он издала увидал ее тонкую фигуру, завернутую во что-то белое, и радостно улыбнулся.

— За мной, Анна? Виноват, я опоздал к обеду. Вот мы кончаем. Пора и народ отпустить.

— Не могу ли я помочь? — спросила Анна, подходя ближе и стараясь понять, какая еще осталась работа.

— Конечно можешь. Смотри, чтоб посадили те деревца, которые разбросаны по ямкам, а то к завтрашнему дню их обветрит.

— Я и сама буду сажать.

Анна сбросила с себя плащ, повесила на деревцо, завязала крестом на

грудь и концами назад белый шерстяной платок и принялась сажать деревья.

Князь полюбовался ее ловкими, красивыми движениями, счастливо вздохнул и отошел к другому концу посадки.

Анна переходила от ямки к ямке, весело работая и разговаривая с еще незнакомыми ей бабами. Одна из них близко подошла к Анне и, взглянув ей прямо в глаза, смело и нагло заговорила:

— Вот, княгинюшка, ваше сиятельство, в барский дом перестали меня брать на поденщину. Вчера окна мыла Авдотья, нешто она может. Допречь все я хаживала. На все сноровка нужна.

— Я, право, не знаю, — отвечала Анна, — мне все равно, это распрягается экономка, Пелагея Федоровна, ей скажи.

— Какие молоденькие, — продолжала Арина, сложив руки и разглядывая Анну, которой делалось неловко.

— Иди на работу, разговаривать некогда, — холодно сказала Анна.

Баба отошла и принялась за посадку. Другая, работавшая рядом с Анной, подползла к ней и шепнула:

— Ишь, наглая, беспокоит княгинюшку. Это князева сударка была. Теперь, небось, не сунется, шельма.

Все потемнело в глазах Анны. Руки тяжело опустились, сердце забило так сильно, что минуту ей казалось, что она умирает. Спазма стиснула горло. «Как? Тут, вот сейчас была одна из тех женщин, которых он любил! И всегда, всю жизнь свою она будет жить тут, вблизи от нас, будет встречаться со мной, глядя на меня этим наглым взглядом, и все будут знать, что я, жена князя, наследница этой Ариши!.. И кто поручится мне, что он к ней не вернется?..»

Все это разом промелькнуло в голове Анны. Промелькнуло и румяное лицо Ариши с черными височками из-под красного платка, с наглыми карими глазами и ярко-белыми маленькими редкими зубами.

Тихонько поднялась Анна с земли, взяла свой плащ и отошла от баб. Она шла шатаясь, но как только она завернула за угол старого дубового леса, она пустилась бежать. Ей хотелось убежать подальше, чтоб он, ее муж, не догнал ее, чтоб ей не видать его лица, не чувствовать его прикосновения, не слышать того голоса, который, вероятно, говорил в известные минуты этой Арише те самые ласковые слова, которые теперь говорил ей.

Отчаяние ее было глубокое, неисправимое, то отчаяние и тот ужас, которые не могут не оставить следов в очень юной душе на всю жизнь, те, которые должен испытать ребенок, увидавший в первый раз разложившийся труп.

Только что с трудом привыкла Анна к своим отношениям к мужу. — и вдруг эти отношения предстали ей в новом безобразии. В голове ее промелькнула на минуту мысль бежать, бежать сейчас же, домой, к матери.

— Ах, а...а...ах! — рыдала она, задыхаясь от беготни и предаваясь дикому отчаянию.

Она пробежала весь лес, сад, вниз к пруду и села наконец в изнеможении на скамейку, продолжая рыдать. Уже совсем стемнело. Наплакавшись досыта, до усталости всех натянутых нервов, как только плачут дети, она легла на лавку, подложила под голову свой белый шерстяной платок и, закрыв разгоряченные глаза, затихла.

Между тем князь, окончив с другого конца посадку, пошел за Анной.

— Где княгиня? — спросил он баб.

— Давно ушла, — отвечали ему.

— Что-нибудь с ней случилось? — испуганно спросил он.

— Похоже, что уморилась.

Князь беспокойно и поспешно пошел к дому. В передней встретил его буфетчик, тревожно ждавший господ к обеду.

— Пришла княгиня? — спросил князь, предчувствуя, что Анны нет дома.

— Никак нет-с.

Князь бросился снова в дверь и почти бегом пошел в лес близ посадки.

— Анна, Анна! — звал он.

Никто не отвечал. Вековые дубы шумели уже засыхающими, но еще твердыми листьями, и ветер пронзительно и резко дул князю в лицо. Князь бросился в сад.

— Анна, где ты? Ответь, ради Бога! — кричал он уже отчаянным голосом, идя вниз по аллее.

Анна услышала его голос, но молчала. Ей радостно было, что он ищет ее, что он сейчас подойдет к ней, но пережитое ею горе и волнение еще не улеглись, и что-то чуждое и страшное соединилось в ее воображении с любимым ею красивым лицом ее мужа.

Наконец он подошел к ней совсем близко и, вдруг увидав ее, с удивлением взглянул в нее.

— Что с тобой? Зачем ты ушла?

Анна молчала.

— Анна, душенька, да что ты? — уже с ужасом спросил он.

Вместо ответа Анна разразилась снова рыданиями. Все худенькое тело ее подрагивало, она отталкивала мужа рукой и долго не могла говорить. Наконец она выговорила:

— Ничего, ничего, оставь меня! Ах, какая мука! Ах, о...о...ох! — рыдала Анна. — Я умру сейчас!

И Анна снова легла вниз лицом на скамейку, и рыдания подкидывали все ее почти еще детское тело.

— Я догадываюсь... — виновато и грустно сказал князь. — Успокойся, милая, я все сделаю, чтоб тебя успокоить. Я не могу видеть твоих страданий. Анна, разве так можно? Я ведь люблю тебя больше всего на свете. Бедная девочка! Скажи же мне что-нибудь.

Князь поднял жену и хотел посадить ее себе на колени, но она вырвалась из его рук.

— Нет, не надо, не могу... Уйди, пожалуйста, уйди. Я сейчас приду, право, приду, — говорила Анна, а желала только одного, чтоб он еще сильнее любил ее и не отходил от нее.

Он это понял и, лаская ее, убаюкивал самыми нежными словами. Она тихо плакала, слушая его, и мало-помалу затихла. Князь взял ее под руку и, ничего не спрашивая больше, повел ее медленными шагами к дому. Она шла покорно по засыпанной сухими листьями дорожке, но все существо ее изнемогало от усталости, от нового пережитого ею ощущения.

В столовой встретила их обеспокоившаяся старая княгиня. Она ничего не знала, но, взглянув на Анну, погладила ее по голове и тихо сказала: «*Pauvre petit!*» *

Глава 8

С этого дня Анна заперлась в доме и не выходила никуда, даже гулять. Уже издали вид крестьянской паневы заставлял ее вздрагивать. Она начала искать развлечения и смысл жизни в той ограниченной, замкнутой семейной среде, в которую поставила ее судьба. Кроме того, она принялась снова за свое любимое занятие — за живопись. Она достала себе двух детей, из которых составила прелестную группу, и писала их каждое утро. Чтоб дети не скучали позировать, она велела купить им в городе игрушек и сластей, рассказывала им сказки и веселилась с ними сама.

Старая княгиня иногда вползала тихими шагами в комнату Анны, подходила к ней, целовала ее в лоб, советовала идти гулять. Иногда она садилась в кресло и, улыбаясь, одобрительно смотрела на работу Анны. Муж же ее никогда не интересовался ее работами, и это очень огорчало ее. Он входил изредка в ее комнату и притворно, как поощряют детей, хвалил ее этюды неискренне и фальшиво, и Анна видела, что он едва издали взглядывал на них, не видя ничего.

По хозяйству князь теперь ходил всегда один, и Анна иногда тревожно ждала его. Часто приходили ей в голову ревнивые мысли, и тогда отношения ее к мужу делались совершенно неестественны.

Как-то раз, вечером, когда стало совсем смеркаться, а князь еще не возвращался с молотбы, Анна начала тревожиться, потом тревога ее стала рисовать ей ревнивые картины, она вспомнила Аришу, и, не быв в состоянии ждать дольше, она вдруг вскочила, наскоро оделась и побежала на гумно окольной дорогой, чтоб не встретить никого. На гумне уже все ра-

* Бедное дитя! (франц.)

зошлись; Анна кралась между скирдами, прислушиваясь и приглядываясь. Но все было тихо. Ей стало страшно, и она побежал домой. Обезав кругом дома, она взошла на каменную террасу и стала вглядываться в освещенные окна кабинета. Она увидела красивую фигуру мужа, который, вернувшись другой дорогой, спокойно одевался к обеду.

«Нет, он пока еще мой!» — страстно подумала она. Сердце ее билось невыносимо, ей стало стыдно за себя, и она, обойдя дом, прошла незаметно в свою комнату через задний ход.

«Боже мой! Могла ли бы я поверить, что я буду такая! — думала она. — Мечта моя была, что муж мой и я — мы оба соединимся первой чистой любовью! А теперь! Я вся отравлена этим ядом ревности, и нет мне спасенья!»

Анна стала оплакивать свои идеалы и долго не могла уснокоиться. Весь вечер она была грустна, и когда она очутилась одна в своей спальне, куда рано ушла спать, ей захотелось молиться.

Она сняла свою шелковую кофточку, бросила на стул и, вспомнив, что муж ее может скоро придти, поспешила носкорее стать на молитву. Она просила у Бога спокойствия души, бодрости для встречи в жизни всяких невзгод, молила о грехах своих. Слезы умиления и жалости к себе так и текли из глаз ее. Открытые плечи ее дрожали, но она ничего не замечала и не слыхала даже, как вошел князь. Он не понял в первую минуту, что она молится, и, подойдя к ней, страстно припал губами к ее обнаженным плечам.

Анна дрогнула плечами, схватила со стула пеньюар и, быстро завернувшись в него, села на постель. Слезы еще были на ее глазах. «Опять только это и все сводится к одному», — смутно мелькнуло в ее голове. Но она не позволяла себе останавливаться на этой мысли и сейчас же нашла оправдания мужу. «Он не заметил, что я молюсь, он меня так любит! А это проявление его любви», и т. п.

На другое утро пришли опять ее модели, дети, но Анне не хотелось писать. В окна светило яркое солнце, выпал первый снег, и Анна побежала с детьми в сад, шурша по дорожкам листьями, смешавшимися с морозным снегом. Ей было легко, весело; она почувствовала себя ребенком с этими детьми, беззаботным, чистым и красивым, как сама окружавшая ее природа. Ей захотелось хоть на минутку сделаться опять тем, чем она была прежде: забыть свои ревнивые тревоги, забыть этот последний период грубой и страстной влюбленности ее мужа; забыть и то равнодушное отношение его к ней после этого периода. И она забывалась минутами, хотя в душе ее все продолжал шевелиться вечный, неразрешимый и мучивший ее вопрос: «Отчего сегодня он так нежен, видит во мне одно хорошее, а завтра после усиленных ласк вдруг я делаюсь виновата во всем; он брюзгливо ворчит на меня и уколает чем-нибудь особенно больно? Как бы понять, в чем я виновата? Он ведь такой умный, добрый, образованный... А я? Ах, я так неразвита!..»

Набегавшись досыта, Анна собралась уже домой, когда муж ее, веселый, свежий и элегантный, показался в конце аллеи. Анна обрадовалась и побежала ему навстречу.

— Ты откуда? — спросила Анна.

— Был у соседа, толковали о заводе, который хотим строить вместе.

— О заводе? Каком?

— Винокуренном. Это очень выгодно.

— Как? Вы хотите делать водку?

— Ну да. Что ты так глупо удивляешься? — спросил князь знакомым раздражительным голосом, которым он говорил с женой после страстного периода его любви к ней.

— Нет, я не глупо удивляюсь, а я просто не понимаю, как можно производить то, что губит народ.

— Сколько раз я тебя просил не вмешиваться в мои хозяйственные дела, — сказал князь, прибавляя шагу и уходя от жены.

— Ах, извини, пожалуйста. Да не спеши, пойдем вместе!

У Анны задрожали губы и выступили слезы. Князь удивленно оглянулся на нее и подумал, что она очень подурнела это последнее время.

— Ты не в духе сегодня? — сказал князь.

— Я? — удивленно сказала Анна и вспомнила свое особенно веселое

настроение сегодняшнего утра. Вспомнила и покорную нежность мужа накануне вечером и ответила ему молчаливым, недоумевающим взглядом упрямки. Она задумалась, и ей показалось странно, что этот человек, которого она любит и которому готова во всем помогать и сочувствовать, этот человек будет заниматься производством водки для спаивания народа! Ведь не может же она ему сочувствовать в этом? «И за что он так сердится на меня? Что я сделала?»

Они больше не говорили. Мимо них прошла молодая баба здоровыми, сильными шагами, весело поздоровалась с господами и, раскачиваясь широкой паневой то в одну, то в другую сторону, скрылась из виду. Анна вздрогнула. Князь проводил бабу глазами и, заметив любопытный и недовольный взгляд жены, слабо улыбнулся и виновато сказал:

— Не могу отделаться от старой привычки смотреть на всякую молодую женщину с мужской точки зрения. И только благодаря тебе я делаюсь все лучше и лучше.

«И он в этом сознается!» — с ужасом подумала она и, гневно вспыхнув, заговорила:

— Как? Ты в этой бабе можешь видеть женщину? Фу, точно других интересов на свете нет.

— Я же говорю тебе, что это было, а теперь прошло.

— Не верю, не верю!

— Что это, Анна, какой у тебя дурной характер! Это невыносимо!

— Может быть. Но я ненавижу цинизм и безнравственность, а люблю чистоту, а ты любишь обратное.

— Ты не имеешь права говорить это.

— Нет, имею, я твоя жена.

— Ах, Боже мой, это ужасно! — твердил князь. — Ужасно!

— Не тебе ужасно, а мне...

Ссора продолжалась довольно долго и в первый раз так мучительно. Весь вечер супруги не выжили. Анна легла спать, князь не приходил. Ей стали страшны и грустны эти отношения с мужем; кроме того, бешеная страсть ревности к возможной измене князя снова охватила ее. Она лежала с открытыми глазами, прислушиваясь, не идет ли муж. Но он не шел. Понемногу ревность ее улеглась и ей захотелось быть просто, доверчиво дружной с мужем, чтоб между ними не было больше тех надразов счастья, которые все больше и больше убавляли его. Она вскочила с постели, накинула халат, сунула ноги в туфли и побежала в кабинет.

Князь сидел на диване, молча и сурово глядя перед собой. Когда открылась дверь и он увидел Анну, лицо его приняло злобное выражение. Она на минуту остановилась в нерешительности и хотела уйти, но ей так тяжело было быть в дурных отношениях с мужем, что она решилась помириться.

— Отчего ты спать не идешь? — спросила она.

— Да разве возможно спать, у меня до сих пор сердце бьется от этих сцен! Ты доведешь меня до разрыва сердца...

Анна нахмурилась, но сделала над собой усилие.

— Я очень жалею, что расстроила тебя. Ты не сердись, пожалуйста.

Она подошла и села на диван рядом с мужем. Он посмотрел на нее с недоумением, но уже ласковее. Это обрадовало ее, она взяла его за руку и улыбнулась. Князь притянул ее к себе и поцеловал.

Когда Анна поняла, что все примирение произойдет не так, как она этого горячо желала, то есть будет не примирение душой, чистое, настоящее, а будет примирение поцелуями, — на нее нашел ужас и отчаяние.

— Ах, мой друг, не целуй меня, пожалуйста! Для этого я мертвая, я не могу после душевной боли мириться так. Прошу тебя, оставь меня и прости меня...

Она вырвалась из объятий князя, вскочила, открыла дверь и убежала. Князь долго слышал удаляющиеся шаги ее быстрой и легкой походки.

«Странная и непонятная женщина! — подумал князь. — И как она дурнеет, боковой зуб уже начал желтеть».

С каждым днем Анна увядала больше и больше. Старая княгиня говорила, что у Анны глаза стали смотреть внутрь себя, что «la pauvre petite est souffrante» *, и действительно Анна очень трудно выносила свою пер-

* Бедное дитя страдает (франц.).

вую беременность. Она большей частью лежала в комнате старой княгини в дурноте и чувствовала себя угнетенной, больной и слабой. Мысль о будущем ребенке даже мало ее радовала, так сильно овладела ею какая-то страдальческая апатия.

Князь, живший первое время почти всегда дома, теперь снова возвратился к своей прежней привычке ездить беспрестанно в город, к соседям и на охоту. Он, видимо, скучал дома и тяготился положением жены.

Так шли дни за днями, и так прошла зима, весна и наступило лето. Никогда не забыла Анна этого периода своей жизни. Все было непосильно этой молодой неразвитой натуре: ни физически, ни морально она не была подготовлена к трудному положению матери в ожидании ребенка и к этому всестороннему одиночеству. Угнетенная постоянным нездоровьем и равнодушием мужа, она сделалась нетерпелива, раздражительна. Если князь запаздывает где-нибудь, Анна приходила в отчаяние, плакала до истерики, упрекала, что ее замучили. То, в чем была ее сила, власть над мужем, — красота ее — временно увяла, другого ничего ему, по-видимому, не нужно было, и это приводило ее в бессильное отчаяние. Князь с своей стороны тяготился ее неровным мучительным настроением, но как человек благовоспитанный и сдержанный, он был мягок с женой, но чувствовалось в этой мягкости притворство и холодность.

Как дорого было Анне теперь присутствие ее матери и сестры! Но они уехали надолго за границу после воспаления в легких у Миши, которому запрещено было проводить зимы в России.

Был жаркий июльский день. В полях усиленно шла уборка хлеба; урожай был обильный, и князь, тосковавший дома, но не решавшийся отдаваться в последнее время от жены, в ожидании ее родов весь предался хозяйственным заботам.

Целые дни он проводил в поле или на гумне и теперь во время возки хлеба присутствовал при складывании скирдов. Он ходил по гумну, думая о своей жене, бледной, худой, с обезображенной фигурой, с большими серьезными черными глазами, так часто вопросительно и с упреком смотревшими на него, и невольно сравнивал ее с молодой, здоровой бабой, румяной, веселой, которая, стоя в телеге, только что проехала мимо него. Он знал, что две недели тому назад у ней тоже родился ребенок, что он умер, а она без слез, без нерв, просто отнеслась к этому событию и теперь, весело сливаясь с природой, работала рядом с своим молодым мужем.

«А мы?» — подумал князь. Он поморщился и закурил сигару. «Да, я запрещаю курить на гумне», — подумал он и повернул по дороге в лес. Сзади его послышались торопливые шаги, догонявшие его. Он оглянулся.

— Пожалуйте домой, княгиня нездоровы, — проговорила запыхавшаяся горничная и сейчас же повернула назад к дому. Она знала, что князь поймет, в чем дело. Он задумался на минуту, точно человек, которому надо идти на операцию и который думает: «Нельзя ли как-нибудь, чтобы этого не было». Но, собравшись духом, чувствуя, что уйти некуда и нельзя, князь ускорил шаги и пошел к дому.

В доме шла уже суета. Переставили кровати, что-то вынесли, вкатили нарядную тележку с пологом из белой кисеи. Чужая дама, так раздражавшая князя своим присутствием последнее время, молодая и нарядная, но с засученными рукавами и в белом фартуке, делала распоряжения. Экономка Пелагея Федоровна хлопотала больше всех. Старая княгиня молча волновалась, подходила к Анне, крестила ее, целовала в лоб. Сама Анна, безучастная ко всему, сидела на кресле у окна и, дожидаясь мужа, прислушивалась к тому, что происходило в ней самой. Разгоряченное лицо ее было торжественно и серьезно; мелкие спутанные волосы окружали ее лицо и, просвечивая золотистым оттенком, вились на лбу и висках; большие черные глаза смотрели, не видя никого, любопытно и пугливо.

Когда вошел князь, Анна бросилась к нему навстречу.

— Ты знаешь, это будет скоро, сегодня, может быть. Как это странно и радостно: мой ребенок!.. Какое счастье! Я все вынесу, я чувствую себя очень храброй...

Она торопилась говорить, но вдруг охнула: «Вот, опять...»

Она стиснула руку князя, лицо ее исказилось, она уже не видала ни-

кого, страдания становились хуже и хуже. Через несколько секунд лицо ее приняло прежнее спокойное выражение.

— Опять прошло, — сказала она, вздохнув.

— Пора лечь, княгиня, — говорила дама в фартуке, присутствие которой так неприятно коробило князя.

— Ты не уйдешь? Ради Бога, милый, побудь со мной, — умоляла Анна мужа.

— Разумеется, не уйду, — сказал князь. — Ты успокойся. Как ты взволнована, душенька, — прибавил он ласково, отводя рукой прилипшие к ее вискам волосы.

Анна приложила к горячей щеке руку мужа и с радостью подумала, что ребенок, которого она ждет, может быть, сблизит ее опять с мужем, уничтожит ту отчужденность, которая так ее мучила последнее время.

Мало-помалу Анна утратила всякую способность думать или чувствовать что-либо. Страдания сделались невыносимы. Они продолжались уже сутки, а конца им еще не предвиделось. Давно уже привезли из города доктора; все измучались страшно, старая княгиня зажгла свечи и лампы перед всеми образами и молилась в своей комнате со слезами на глазах. Князь выбегал из спальни жены и в изнеможении бросался на диван в гостиной, чувствуя, что усталость его дошла до последних пределов.

Страшные, неистовые крики Анны преследовали его везде. Уйти от нее далеко он не мог, Анна ни за что не хотела его отпустить; быть при ней было ему невыносимо.

Наступила вторая светлая летняя ночь, когда после чего-то неистового, страшного в суете и последнем напряжении общих сил совершилось то, чего так нетерпеливо ждали все. В комнате Анны раздался сначала нечеловеческий, ужасающий крик роженицы и вслед за тем точно неожиданно, из неведомого мира послышался непривычный, но почему-то всегда радостный для всех голос младенца, этого таинственного существа из неведомой никому области.

Князь зарыдал и нагнулся к жене. Она перекрестилась и сказала: «Слава тебе, Господи!» Потом она взглянула на мужа, протянула ему свой лоб, который он поцеловал, и опустилась в изнеможении на подушки.

Когда вымытого и запеленутого подали Анне сына, она долго всматривалась в сморщенное красненькое личико и, нагнувшись, поцеловала его. Она не испытывала той радости, которую ждала, но это было что-то более значительное. Это было счастье, цель жизни, смысл ее; это было оправдание любви ее к мужу, это был будущий долг, и это будет не игрушка, как ей казалось прежде, а опять страдание и труд.

Взяв на руки ребенка, Анна почувствовала, что непоколебимо будет верна обязанностям матери, как непоколебимо обещала князю, когда он предложил ей быть его женой, быть верной обязанностям жены.

Когда князь взглянул в первый раз на сына, его всего передернуло. Он брезгливо отвернулся от него и сказал:

— Ну, это не по нашей части. Вот вырастет, тогда другое дело.

Это больно отозвалось на Анне. Она никак не ожидала такого отношения отца к первому сыну. «Неужели он не будет любить его?» — с ужасом подумала Анна и вспомнила свои недавние надежды, что ребенок уничтожит отчужденность между ними и соединит ее опять с мужем в любви к нему. Она вздохнула и утерла слезу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Прошло десять лет. Анна продолжала по-прежнему жить с семьей в деревне. Единственная перемена в ее жизни была та, что умерла старая княгиня года три тому назад, оставив по себе самую лучшую память в душе глубоко скорбевшей о ее смерти Анны.

Сама Анна очень изменилась. Из худенькой девочки она развилась в поразительно красивую, здоровую и энергическую женщину. Всегда бод-

рая, деятельная, окруженная четырьмя прелестными здоровыми детьми, она казалась счастливой и вполне удовлетворенной своею жизнью. Князь, слегка поседевший, но все такой же изящный, красивый и благовоспитанный, по-видимому, все так же хорошо относился к жене своей. Но в самой глубине душевной жизни двух супругов, что выражалось и во внешней их жизни, не оставалось уже почти ничего общего. Любви князя, по которой он женился на Анне, не могло хватить надолго. Не такого она была свойства. Он был человек успеха, ему необходимо было разнообразие ощущений, он так привык к нему! Тихая семейная жизнь в деревне была ему просто скучна, и Анна чувствовала, что он не виноват в этом. Но эта скука пугала Анну. Она любила мужа, она была ревнива и боялась потерять и ту любовь, которую он еще не совсем отнял у нее благодаря ее красоте, веселому характеру и цветущему здоровью. Анна чувствовала, что эта любовь не та, которую бы она желала, она страдала часто от этого, и, чтоб занять это пустое место в сердце своем, она особенно страстно отдалась детям и заботе о них. Муж же ее к детям относился холодно, и трудно было Анне привыкать к этому равнодушию князя относительно того, что составляло центр ее жизни внешней и внутренней. Все приходилось ей переживать одной: болезни, сомнения о качествах и пороках детей, решение вопросов лечения, воспитания, нянек и гувернанток. Ей приходилось самой учить их, так как она считала необходимым больше самой общаться с детьми, чтоб их лучше знать. На разговоры Анны об успехах, характерах и болезнях детей князь или молчал, или притворно улыбался, отвечая по привычке своей мягкими, учтивыми фразами, как, например, что он очень рад, что сын так успешно учится, что жаль, что маленький Юша родился слабее других или что Маня удивительно мила в своей новой шубке. Эта Маня, восьмилетняя девочка, была любимицей князя: она была очень хорошенькая, бойко говорила по-французски, переняв настоящий парижский выговор от своей гувернантки, и это забавляло князя.

Жизнь князя не изменилась ни в чем: он продолжал хозяйничать, ездить на охоту, писать свои статьи. Но Анна видела, что ко всему князь относился вяло и без энергии. Он скучал, скучал невыносимо. Жизнь семейная тяготила его. Как ни старалась Анна найти развлечения мужу, как ни старалась сама ездить с ним по соседям, в город, на выборы, на земские собрания и проч., — всего этого хватало не надолго. Да и дети отвлекали ее так много; всегда занятая ими, то кормящая одного, то носящая другого, то дающая уроки третьему, Анна среди хозяйственных и домашних дел часто не находила времени просто погулять или проехаться с мужем.

Как всегда бывает в таких положениях, люди поддельывают под свои чувства какую-нибудь необходимость изменения обстоятельств. Князь стал поговаривать, что он желал бы все статьи свои, разбросанные по разным периодическим изданиям, собрать и напечатать в одну книгу. Для печатания ее нужно его присутствие в городе, и он предложил Анне провести несколько месяцев в Москве. Она немедленно согласилась, видя в этом единственное средство развлечения князя. Последнее время она замечала, что князь стал часто искать и особенно оживляться в обществе молодых женщин. У него явилась какая-то особенная забота об его внешности и беспокойство об усилившейся седине и поредевших, когда-то прекрасных, вьющихся волосах. Ей стало страшно, что нарушится внешнее семейное благообразие их дома, и она решилась энергично бороться за него и — главное — за то, чтоб не испортить детям их семейное положение.

Решено было ехать в Москву в конце октября. Князь сказал, что он хочет прежде поездить на охоту в отъезде поле, а потом займется книгой.

1-го сентября на дворе княжеского дома собралась небольшая, но прекрасная охота князя. Дети провожали отца, любуясь лошадьми и особенно собаками. Маня пихала в рот Ночки, красивой тонкой английской борзой, кусочек сахара. Пегий, коричневого цвета, точно мраморный, Дракон рвался на своре и визжал от нетерпенья. Белая Милка была на свободе и дожидалась князя.

Наконец князь вышел, простился с Анной и детьми, сел на своего кабардинца, и, сказав, что вернется не раньше трех дней, он быстро отъехал от крыльца.

Он ехал полями в дальнее имение своих знакомых, и Анна знала, что в числе охотников будет их дальняя соседка, дама, сильно кокетничавшая

последнее время с князем. Про даму эту говорили много, говорили и то, что князь до своей женитьбы был влюблен в нее. Все это сильно беспокоило Анну, она сама бы уехала с мужем, но она кормила маленького Юшу; жизнь настоящая, серьезная заявляла свои права, и Анна отгоняла дурные мысли, направив их опять на свой детский мир, полный забот, занятий и любви.

Только что она проводила мужа, она позвала детей, чтоб дать им урок. Маня и старший брат ее, красивый Павлик, были в саду. Они принесли корзины, полные желудей, и рассказывали с оживлением о том, что нашли в дупле молодых белок. Но, взглянув на мать, они были поражены ее грустным видом и степенно приготовили свои книги и тетради. Урок продолжался час, еще не кончила Анна поправлять тетради, как прибежала помощница няни и позвала Анну в детскую кормить маленького.

Дети, оставшись одни, принялись бегать вокруг стола. Анна пошла в детскую и, проходя мимо большого зеркала в гостиной, взглянула на себя. «Ах, Боже мой, на что я похожа! Эта широкая старая кофта, волосы растрепанные! Надо подумать о своих платьях и выписать что-нибудь получше из Москвы! Вчера муж мой так брезгливо говорил, что я совсем собой не занимаюсь и очень «опустилась». Да и к чему тут наряжаться? И скучно, и некогда. А, видно, это надо!» — подумала она, вздохнув.

Из детской уже слышен был нетерпеливый крик ребенка. Анна прибавила шагу и начала расстегивать кофточку.

— Ну, ну, крошка, расходился... Иду, иду, — говорила Анна, принимая ребенка из рук няни. Ребенок замолк, и скоро раздались равномерные звуки нетерпеливого сосания и поспешного глотания обильного молока. Анна молча и лениво оглядывала кругом детскую, это привычное, спокойное убежище, где выросли все ее дети, где столько пережито ею было радостей и тревог; где, сидя ночью с ребенком на руках, она часто утирала слезы, думая о том, как неожиданно равнодушен был муж ее к детям.

Вспоминала она и те ночи, когда, прохажив по детской несколько часов сряду, успокаивая больного ребенка, она, утомленная, шла отдохнуть в свою спальню, и как муж ее, не замечая ее усталости и огорчения, открывал ей свои объятия и зверски, страстно требовал ответа на свои чувства, а она, измученная и физически, и нравственно, оскорбленная его равнодушием, незаметно для мужа плакала, но покорялась ему, боясь потерять любовь человека, которому раз отдала свою жизнь.

«Неужели только в этом наше женское призвание, — думала Анна, — чтоб от служения телом грудному ребенку переходить к служению телом мужу? И это попеременно — всегда! А где же моя жизнь? Где я? Та настоящая я, которая когда-то стремилась к чему-то высокому, к служению Богу и идеалам?

Усталая, измученная, я погибаю. Своей жизни — ни земной, ни духовной нет. А ведь Бог мне дал все: и здоровье, и силы, и способности... и даже счастье. Отчего же я так несчастна?..»

Анна подняла сжатую в кулак ручку спящего мальчика и поцеловала ее. Растроженный ребенок начал опять ловить ротиком грудь, но Анна встала, слегка покачала на руках ребенка, положила его в кроватку и пошла к старшим детям. Они сидели оба под письменным столом и, раскидав из корзинки по всему полу бумаги, искали конверты и вырывали марки.

— У меня будет коллекция из одних иностранных марок, — говорил Павлик.

— А у меня есть египетская, мне папá дал.

— Что это? Как вы тут насорили! — сказала входившая Анна. — Перечли, что написали?

— Нет еще.

— Так что же вы? Ведь надо еще музыку. Прибирайте скорей.

Дети заторопились. В зале послышался стук и вслед за тем страшный крик ребенка. Анна бросилась в залу. Пятилетняя Аня на руках у англичанки отчаянно кричала.

— Где ушиблась? — спросила Анна.

— It is nothing *, — отвечала англичанка.

Анна схватила девочку и побежала прикладывать ей холодные при-

* Это ничего (англ.).

мочки к покрасневшей и быстро вскочившей шишке на лбу. Когда она опять вернулась к детям, они уже ушли, и Маня старательно играла гаммы в угловой комнате.

— Ах, бемоль не берет! — вскрикнула Анна и пошла поправить ошибку Мани.

Потом пришла горничная и спросила, как пришивать якоря к матросской куртке Павлика. Анна внимательно приколотла якоря, указала ошибку в работе и, отправив девушку, села у окна читать взятую ею из библиотеки старинную книгу: «*Méditations*» de Lamartine*. Она понемногу забыла все то, что занимало ее несколько минут прежде, и наслаждалась тонкой поэзией изящного француза. Но счастливый отдых ее продолжался недолго.

— Учительница пришла, — доложил лакей.

— Проси, — устало проговорила Анна.

Вошла школьная учительница, тихая, симпатичная девушка с удивительно миловидным, ребячливым лицом.

— Вы насчет книг, Лидия Васильевна? Составили список? Благодарю вас. Я непременно выпишу.

— Вот тут отдел для чтения, а тут для образования. Я думаю, княгиня, научный отдел я буду им читать сама, надо толковать при чтении. Вот хорошо, что глобус купили и рельефные карты. Это их чрезвычайно интересуется, и география пошла хорошо.

— Ну вот, я очень рада.

— Когда вы уедете, княгиня, кто мне будет сочувствовать!

Анна пригласила учительницу обедать, и к пяти часам в столовую постепенно собрались дети, гувернантки и управляющий. Анна поговорила ласково со всеми. Управляющий, так же как и учительница, выразил сожаление, что вся семья уезжает в город, и рассказывал княгине о состоянии крестьян в нынешнем году. Анна не любила хозяйства, но любила следить за общим ходом всего экономического положения края и народа.

Когда занятой день ее кончился и она осталась одна в своей комнате, ей стало тоскливо и одиноко. «Вот я и замужем, а нет у меня мужа-друга. Он и как муж-любовник уходит от меня. За что! За что!»

Анна подошла к зеркалу и стала медленно раздеваться. Сняв с себя платье и обнажив свои прекрасные руки и шею, она взглянула на себя внимательно в зеркало. Потом она приложила свою щеку к плечу и взглянула на полную молока необыкновенно красивую грудь свою и серьезно задумалась.

«Да, это ему нужно...»

Она вспомнила страстные поцелуи мужа и, сверкнув глазами, тут же решила, что если власть ее в ее красоте, то она сумеет ею воспользоваться. Разбив сразу свои идеалы целомудрия и отодвинув на задний план мысли о духовном общении с любимым человеком, она решила, что муж ее не только не уйдет от нее, но станет ее рабом.

Она распустила свои темно-золотистые волосы, вьющиеся на висках и затылке, приподняла их кверху, повернула голову и долго всматривалась в свое лицо. Потом она взяла с кресла опущенную перьями мантилью и приложила ее к груди. Контраст белизны груди и темных перьев был поразителен.

Анна вспомнила ту даму, которая в настоящее время охотится с ее мужем, и привычное чувство ревности поднялось в ней с невыносимой болью.

Из детской послышался крик ребенка. Анна бросила мантилью, собрала волосы, накинула на плечи красивый персидский халат и побежала в детскую.

Взяв ребенка на руки, она горячо припала губами к его щеке и, сама не отдавая себе отчета в том, что думала, страстно прошептала: «Прости, прости меня, моя крошка!»

* «Раздумья» Ламартина (франц.).

Глава 2

Дня через два после отъезда князя Анна пошла с детьми гулять и по дороге в город увидала ехавший ей навстречу экипаж.

«Кто бы это мог быть!» — подумала она. Экипаж приближался, поравнялся с ними; дети взволновались, начали кричать, любовались колокольчиками.

Когда Анна взглянула в глубь коляски, она увидала незнакомое лицо мужчины, который при виде ее особенно учтиво, но чуждо поклонился ей.

— Не понимаю, кто бы это мог быть, — сказала она.

Коляска поднялась на гору, потом спустилась и снова поднялась по широкой правильной аллее старых берез, подъехав ускоренным ходом прямо к дому.

Приезжий вышел и спросил у вышедшего ему навстречу слуги, дома ли князь. Он очень смутился, узнав, что его ждут только завтра, и остановился в раздумьи в передней. В это время к дому подошла вся веселая семья, возвращавшаяся с прогулки. Анна поспешила войти первая и спросила у незнакомца, с кем она имеет удовольствие говорить.

Сконфуженный гость несколько секунд помялся на месте, но ответил с едва заметным иностранным акцентом:

— Я очень смущен, княгиня, что я ворвался так неожиданно в ваш дом, но я старый друг вашего мужа, я Дмитрий Бехметев. Двенадцать лет я не видал моего лучшего друга и очень жалею, что не застал его.

— Как, вы Дмитрий Алексеевич Бехметев? Я столько о вас слышала! Точно мы давно знакомы. Войдите, войдите, пожалуйста. Завтра муж вернется, а сегодня поскучайте с нами.

— Я буду счастлив, княгиня, если я не наскучу вам, — сказал Бехметев ненатуральным голосом, который очень не понравился Анне.

«Как кривляется», — подумала Анна.

Войдя в свою комнату, Анна переменяла платье, особенно старательно причесалась и вышла к гостю в гостиную, поразив его своей цветущей красотой и легкой, ей одной свойственной походкой. Он заметил и откинутую немного назад маленькую голову, окаймленную темной опушкой мантильи, и нежно-розовый цвет разгоревшегося от воздуха лица, и прекрасные большие черные глаза, приветливо и внимательно смотревшие на него.

«Так вот какая жена у моего друга», — подумал он с легкой завистью.

Скоро из разговоров Бехметева Анна узнала, что он по случаю слабого здоровья принужден был вскоре после своей женитьбы ехать за границу в более теплый климат. Что он жил с женой в Алжире, что она соскучилась там и уехала в Париж. Детей у них не было, а он, стосковавшись по России, по своим родным, решил ехать на родину на неопределенное время. Из намеков Бехметева Анна отлично поняла, что у него раздор с женой, и ничего не стала его теперь расспрашивать.

Поселился теперь Бехметев в деревне у сестры своей, Варвары Алексеевны, с которой не видался более 10 лет. Именье сестры, уже немолодой вдовы, было верстах в двенадцати от имения князя, и Анна изредка бывала у нее. Это была очень образованная, тонкого ума женщина, потерявшая своего мужа и ребенка в ранней молодости и с тех пор посвятившая всю свою жизнь на пользу крестьянских детей. Она воспитывала в своей образцовой школе чуть ли не третье поколение, устроила библиотеку, детскую больницу, приют. Она не могла видеть больного, холодного или голодного ребенка, но помимо детей ничто в мире ее не трогало и не интересовало. На вид она была сурова, холодна и необщительна.

Анна оставила Бехметева обедать. Но обед в этот день прошел напряженно. Гувернантки, управляющий, дети — все чувствовали себя неловко в присутствии нового гостя. Только на Маню и Павлика напал смехун неудержимый, и им пригрозили даже оставить их без пирожного.

После обеда Анна пригласила Бехметева в гостиную, но не изменила своему обычаю собрать вокруг себя детей и заниматься с ними, пока они уйдут спать. Принесены были разные альбомы, книги с картинками, игры, работы. Всякий принялся за свое. Маня старательно вязала шарф старику садовнику, маленькая девочка возилась с кубиками и искала знакомые буквы, а Павлик сел рисовать. Анна тоже взяла альбом и начала набрасывать портрет англичанки, сидящей тут же.

Бехметев притянул к себе Павлика и, посадив его возле себя, начал рисовать в его книге, рассказывая ему про Алжир, про коричневого человека в больших чалмах, и по мере рассказов иллюстрировал их в альбоме Павлика, который пришел в восторг. Он схватил книгу и пошел показывать рисунки матери.

— Смотри, мамá, как Дмитрий Алексеевич рисует!

— Так вы художник? — спросила Анна, узнавая приемы опытного и хорошего мастера.

— Да, княгиня, если можно так назвать человека, потратившего на живопись всю свою жизнь и не написавшего ни одной настоящей картины.

— Это была когда-то и моя мечта — быть художницей; но видите, куда уходит теперь мое время и мои силы.

Она провела рукой вокруг стола, указывая на детей.

— Мамá тоже умеет рисовать, — закричала Маня и, схватив за рукав Дмитрия Алексеевича, потащила показывать висевший на стене пейзаж.

Бехметев начал хвалить картину в очень изысканных выражениях.

«Это он опять кривляется», — подумала Анна.

— Отчего у вас такой выговор, совсем иностранный? — спросила она.

— Я провел детство в Англии, а потом много и подолгу жил за границей. Но разве уж так заметно?

— Я бы вас даже приняла за иностранца.

Когда дети ушли спать и все разошлись, Бехметев стал собираться уезжать, но Анна требовала, чтоб он остался до следующего дня, так как князь обещал заехать домой часу в двенадцатом.

Утром Бехметев долго не выходил из флигеля, где ночевал, и Анна поняла эту деликатность. Но князь не приехал, как обещал, и Анна, как только начало смеркаться, начала сильно тревожиться и собралась на встречу мужу. Она пригласила Бехметева ей сопутствовать и пошла кормить ребенка и одеваться.

Хотя она была озабочена, она особенно старательно оделась, она хорошо знала, как много значил для ее мужа ее внешний вид, особенно в присутствии посторонних. Кроме того, мысль о красивой бойкой даме, участвовавшей в охоте, тяготила и мучила ее встревоженное воображение.

Подали прекрасных английских оседланных лошадей. Анна и Бехметев сели и молча выехали аллеей на большую дорогу. Разговор, который пытались вести оба, совсем не клеился. Анна слишком тревожилась о муже, а Бехметев видел это ясно.

Уже совсем стемнело. Анна совсем уже собралась вернуться домой, боясь, что без нее раскричится грудной ребенок, как вдруг послышался топот многих лошадей, голоса и смех.

Анна и Бехметев ехали опушкой леса, а многочисленное общество, впереди которого скакал князь и красивая дама, ехало посередине большой дороги. Анна ясно слышала смех дамы и потом слова, сказанные ею:

— Non, jamais je ne me déciderai d'entrer à cette heure et dans ce costume chez vous*.

— Vous voulez mon désespoir! ** — полушутя, но с жаром отвечал князь.

— Et que penserait votre vertueuse femme? ***

Анна громко окликнула князя. Он никак не ожидал встретить жену, и ему стало досадно.

— Я так беспокоилась о тебе, мой друг, ты обещал быть утром, — начала Анна.

— С кем ты? — спросил князь, взглядывая в спутника жены, подъезжавшего к ним.

— Это Дмитрий Алексеевич, твой старый друг. Он вчера приехал.

— Дмитрий! Ты откуда? Вот сюрприз!

— Я прямо из Алжира. Как я рад тебя видеть! Да еще семейным, счастливым...

— Ну, постой, это все так неожиданно, я так счастлив тебя видеть, но я должен извиниться перед обществом.

* Нет, я никогда бы не решилась появиться у вас в этот час и в этом костюме (франц.).

** Вы приводите меня в отчаяние! (франц.)

*** А что подумает ваша добродетельная супруга? (франц.)

Князь круто повернул лошадь, подъехал к охотникам, и, сказав всем несколько учтивых слов, он бросил шутя изящную любезность даме и, простившись, поехал догонять жену и друга.

Поравнявшись с женой, он проехал с ней несколько шагов и злобно прошептал:

— Я очень рад Дмитрию, но это очень неприлично, что ты по ночам едешь en tête-à-tête с человеком, которого видишь в первый раз.

Он оглянулся на Бехметева, не могущего справиться с тянувшей в сторону лошадью.

— А может быть, прилично звать без согласия жены в гости, ночевать дам, которых в дом пускать нельзя?

Анна прикусила губы и замолчала. Слезы навернулись на ее глаза, она весь день так нетерпеливо ждала мужа, беспокоилась о нем, и вот их свидание! Несмотря на темноту и сырость, она ударила хлыстом лошадь и усккала от мужа. Князь с Бехметевым поскакали за ней, громко оставивая ее.

— Анна, тише! Лошадь упадет. Сумасшедшая! — вскрикнул он наконец в отчаянии.

Но Анна уже ничего и никого не слыхала. Подъехав к дому, она ушла в детскую и весь вечер не выходила из своей комнаты.

Глава 3

Весь следующий день князь провел дома с своим другом, показывая ему свое хозяйство и вспоминая старину, те молодые годы, когда они сошлись и жили одной жизнью. К вечеру Бехметев уехал и князь, холодно простившись с женой, поехал догонять охоту. Ему дали знать, что все общество, собаки, охотники, — все ночуют у соседа, старого холостяка помещика и что его ждут туда же.

Через два дня Бехметев приехал опять. Князь еще не возвращался с охоты, и Анна, грустная, была одна дома.

Она очень обрадовалась гостю, покраснела и сама удивилась тому, что присутствие Бехметева ей так приятно.

— Извините, княгиня, что я решился опять явиться к вам. Меня, одинокого, так и тянет в ваш семейный, светлый уголок.

— Мы вам очень рады, Дмитрий Алексеевич, — сказала Анна, — но мы заняты всегда такими не интересными для вас делами.

— Очень интересными, — вступился Павлик. — Посмотрите, как хорошо; мама, покажи.

Анна открыла альбом, в который наклеены были самые разнообразные удивительно хорошо высушенные цветы. Тут были букеты, венки, фигуры в самых необыкновенных формах и сочетаниях цветов.

— Удивительно красиво! Видно, что вы художница, княгиня. Ну, Павлик, давай мы с тобой сделаем что-нибудь удивительное.

Все принялись опять за дело, и вечер прошел незаметно и весело.

Когда дети ушли спать, Бехметев взял со стола книгу и удивился, что Анна читает такую старину — Lamartin'a.

— Почему вам пришло в голову, княгиня, читать именно Lamartin'a?

— Случайно. Я его никогда прежде не читала, а теперь нашла большое удовольствие от этого чтения. Вам не трудно читать, почитайте мне вслух.

— С радостью, княгиня, я его совсем забыл.

Анна взяла работу и села около лампы, испытывая странное чувство счастливого и спокойного состояния. Она так не любит одиночества! Изредка взглядывала она на исхудавшее, серьезное и измученное лицо своего гостя, на его обтянутый кожей высокий лоб и редкие черные волосы на висках и думала:

«Нет, он не кривляется, как мне казалось, — он несчастный и прекрасный, должно быть, человек».

Бехметев читал: «La nuit est le livre mysterieux des contemplations des amants et des poètes. Eux guels savent y lire, eux seuls en ont la clef. Cette clef — c'est l'infini» *.

— Как раз я на этом остановилась. Это в комментариях. Я их очень люблю.

— И это отношение ночи к беспредельности, к infini — удивительно поэтично. Да, если б не верить в этот infini, то страшно бы умирать.

— Почему вы заговорили о смерти? — спросила Анна и удивилась, что ей что-то защемило в сердце.

— А оттого, что мне 12 лет ею грозят, заставляя жить в чуждых мне странах, там, где тепло, а я решил никуда больше не ездить и жить в России, в деревне.

— А мы едем на зиму в Москву. Муж хочет печатать свои статьи.

— Я слышал, княгиня, и очень скорблю, что именно ту зиму, которую я буду в вашем соседстве, вы все проведете в городе. Я всегда во всем несчастлив. Вы прежде ведь круглый год жили здесь?

— Да, много лет даже, да и теперь совсем не хочется в Москву. Однако пора ужинать, вы рано обедаете, и я вас не отпущу без ужина.

Анна позвонила и велела подать ужинать.

В столовой было уютно, светло, красиво, как и во всем доме. Анна села с Бехметевым за маленький столик, на котором стояли цветы и поданный холодный ужин. Они говорили о только что прочитанном; у подъезда стоял экипаж Бехметева, звенели колокольчики.

Послышался еще шум подъехавшего экипажа, один звон перебил другой, внизу кто-то зашумел. Но Анна и собеседник ее не обратили на все это внимания и не заметили, как в комнату вошел князь. Анна вскочила испуганная и спросила:

— Что случилось?

— Да ничего, я просто раздумал продолжать охоту, — сказал князь. — Здравствуй, Дмитрий, и — прощай. Извини меня, я очень устал, — прибавил он, злобно взглянув на жену и подавая кончики пальцев своему другу.

— Ужинать не будешь? — спросила Анна.

— Нет, я падаю от сна.

Князь ушел, и Бехметев, простившись с Анной, уехал.

Анна побежала к мужу, видя, что он неспокоен. Он сидел в кабинете на диване и курил. Подозревая истину и зная ревнивый характер мужа, Анна села рядом с ним и ненатуральным голосом стала его расспрашивать, что его заставило вернуться.

— То и заставило, что я знал, что ты опять устроишь этот tête-a-tête. Неужели ты до сих пор не понимаешь, что неприлично?

— Я не звала его, но не могла и выгнать его.

— Ты могла не кокетничать с ним. Разве я не вижу?

— Кокетничать? К! Да полно, мой друг. Как тебе не совестно это говорить. Если б ты знал, как я без тебя скучаю, как я рада, что ты вернулся. Не будем ссориться, пожалуйста!

«Наверное, виновата!» — решил князь.

— Отчего ты так испугалась, когда я вошел? — спросил князь. — Что он тебе говорил? — горячился он все больше и больше.

— Право, не помню, — говорила Анна, пугаясь тона мужа и уже с досадой глядя на его неприятно сердитое лицо. — Мы читали Ламартина, говорили о нем...

— И поэтическими чувствами занимались при этом... — сказал князь иронически. — Я не верю ничему. Ты не умеешь мне рассказать, что вы делали и о чем говорили? — кричал князь.

Он схватил за руку Анну, сильно сжимая ее, как вдруг няня постучала в дверь и позвала Анну к ребенку.

Взволнованная, оскорбленная, Анна вырвала руку и убежала в детскую. Ребенок нетерпеливо кричал.

«Вот эти эгоисты мужчины, — сердилась Анна, — его ревность мучает,

* «Ночь — это таинственная книга созерцаний для любовников и поэтов. Только они умеют ее читать, только они владеют ключами от нее. Ключ этот — бесконечность» (франц.).

а я сиди скучай одна, а теперь еще ребенок накормится моим взволнованным молоком и будет всю ночь не спать! И я же мучайся!»

Анна не могла успокоиться. Чувство досады, презрения к человеку, которого так пыталась любить и с которым связана ее жизнь, не могло никак улежаться.

«Ничего и никого ему не нужно: ни детей, ни меня. Он ничем в нашей жизни не интересуется. Я нужна ему только как вещь. И самолюбие его как бы не оскорбили! Да, его жена! Не смей никто с ней слова сказать...»

Анна все больше и больше расстраивалась. «А сам, если с кем любезничает, это ничего. Боже мой, Боже мой!»

И чувство жалости к себе вызвало слезы на ее глаза.

В это время ребенок подавился и начал плакать. Анна испугалась, повернула мальчика на бочок и, горячо целуя его, приговаривала шепотом:

— Милый, милый, успокойся.

Она вгляделась в личико спящего мальчика и мысленно обратилась к нему: «Да, не для отца твоего, оскорбившего меня, а для тебя, крошка, я не сделаю никогда ничего, что заставило бы тебя стыдиться за мать...»

Покормив ребенка, Анна обошла по всем комнатам кровати спящих детей. Поочередно перекрестила она их всех и, остановившись у последней, начала молиться. Все кругом спали. Она долго стояла, опустив голову, над ребенком, сосредоточенная и серьезная.

Если б в обыденной, низменной жизни нашей не было этих минут глубокого строгого расчета с своей совестью, сурового и сосредоточенного внимания к нашей внутренней жизни, этой с глазу на глаз проверки своего личного «я» по отношению к Богу, то как возможно было бы существование наше?

Анна дорожила этими минутами; теперь, успокоенная, пошла к себе в спальню.

Когда муж вошел к ней, он принял тон примирительный. Он подошел к ней, улыбнулся и молча обнял ее. Анна спокойно и равнодушно отнеслась к его примирению; она чувствовала себя в эту минуту духовно так одиноко, так далеко от того, что интересовало князя, что, когда он протянул ей свои объятия, она сразу не поняла, чего он от нее хочет. Только когда ей стало ясно, почему князь так скоро помирился, он ей вдруг стал противен. Она слегка отвела его руки и вскрикнула:

— Нет, не могу, ни за что!

Все в князе ей показалось неприятно: его красивое лицо ей показалось грубо и глупо; его пожелтевшие зубы, поседевшие волосы, его страстные глаза — все ей опротивело.

Она легла, потушила свечи, повернулась лицом к стене и притворилась спящей. Прочитав про себя быстро и невнимательно молитву «Отче наш», повторив ее еще и еще, чтоб сознательнее сказать ее, она перекрестилась и, измученная душой, тревожно заснула.

Ревнивая вспышка князя скоро улеглась. Он сам написал записку своему другу, приглашая его обедать, и, когда Бехметев стал снова бывать у них, князь вполне успокоился насчет жены. Спокойное, благородное поведение его друга не могло бы ни в ком возбудить подозрения. Рыцарская учтивость, порядочность и почтительное преклонение перед Анной не имели того характера, который бы мог возбуждать дурные чувства ревности в муже.

Между тем Бехметев незаметно совершенно вошел в семейную и внутреннюю жизнь Анны. Он гулял с ней и детьми, играл с ними, занимался ими, то рассказывая им интересные истории, то рисуя с ними. Иногда он заставлял их петь или плясать и так привязал их к себе, что они скучали, когда его долго не было.

Что касается Анны, никогда она не чувствовала себя столь счастливой и жизнь свою столь полной. Атмосфера любви незаметно окружила ее со всех сторон. Не было ни нежных слов, ни грубых ласк, ничего, что обыкновенно сопровождает любовь, но все вокруг нее дышало какой-то нежностью и все было лаской и счастьем в ее жизни. Она постоянно чувствовала, что участливый глаз следил за всей ее жизнью, все одобрял, всем восхищался.

По вечерам, когда все, по обыкновению, собирались вокруг большого круглого стола, Бехметев и Анна попеременно рисовали в один и тот же альбом портреты всех присутствующих. Попеременно же читали детям вслух

книги Верна и другие, изменяя и толкуя те места, которые были неясны и трудны детям. Случилось раз, что вместо иллюстрированного, прислали простое издание «Путешествия вокруг света в 80 дней». Бехметев взялся сам иллюстрировать все важные эпизоды, и это произвело в мире детей такой восторг, что дети не могли дождаться Дмитрия Алексеевича для продолжения чтения и иллюстраций.

Забота и внимание Бехметева ко всей жизни Анны проявлялись во всем. Она любила цветы, — он наполнил лучшими весь ее дом. Она любила чтение вслух, — он отыскивал самые интересные статьи и книги и читал ей целыми вечерами. Анна любила свою школу; он, как будто для того, чтоб угодить милой, наивной учительнице, присылал в школу книги, рисунки и разные школьные принадлежности.

Только такое отношение к женщине, нежное и бескорыстное, может внести полное счастье в ее жизнь. Никогда Анна не давала себе ясного отчета, почему все, что было трудно прежде, стало легко теперь. Почему все, что ее сердило и расстраивало, перестало сердить ее. Все мелочи, неудачи в обыденной жизни стали не важны, все люди стали добры. Что удивительнее всего, — но что тоже, несомненно, случилось, — муж ее ей стал более приятен. Она и с ним была нежна и ласкова, и это совсем успокоило его со стороны ревности.

Так прошла осень, и, когда в начале ноября вся семья собралась в Москву, никому не хотелось расставаться с этой счастливой, тихой деревенской жизнью.

Один князь спешил отъездом. Он, видимо, скучал дома, избирал предлоги, чтоб уезжать в город и к соседям, и искал везде развлечения. Анну это сильно беспокоило. Она видела, что князь все больше и больше уходит из семьи, из-под ее влияния и все меньше и меньше показывает ей любви. Ей стало страшно, что он совсем уйдет, что рухнет та семья, которую она старалась блюсти эти 11 лет своей замужней жизни. Она решилась всеми силами удержать мужа, искать те пути и средства, которыми она снова могла бы привлечь его к себе и удержать в семье. Средства эти она смутно знала, они были ей противны, но что же лучше?

«Если я понемногу утратила свою прежнюю чистоту и свои девичьи идеалы — то по крайней мере я сохранию чистоту идеала семьи. Я не должна допустить, чтоб муж мой, отец моих детей, ушел бы из семьи и нашел бы вне ее нечистые радости».

С этими мыслями Анна собралась и уехала с семьей в Москву.

Глава 4

К большому, очень освещенному и богатому дому на одной из самых чистых улиц Москвы вечером второго декабря подъезжало много экипажей. Княгиня и князь Прозорские принимали по воскресеньям вечером, и гостиные их всегда были полны самыми разнообразными посетителями. Нигде не было так просто, весело, изящно и интересно, как в доме княгини Прозорской. Всегда приветливая, веселая, красивая, она умела соединять у себя таких людей, которые охотно встречались, и сама она так всю себя отдавала на то, чтоб всем было уютно, радостно и интересно вокруг нее, что в короткое время у Анны составилось самое приятное и очень большое общество.

Князь не мог надивиться: что сделалось с его прежде нелюбимой и не любящей общество женой? Она точно вся переродилась, принимала, выезжала, наряжалась, придумывала самые разнообразные увеселения и развлечения, в которые всегда втягивала мужа. «Мне одной скучно или неловко», — говорила она, и князь всегда был с ней. Он зорко следил за ней, за той переменной, которая сделала ее столь привлекательной, разнообразной и любимой в обществе. Она беспокоила его, показав ему неожиданно совершенно новую сторону своего характера и своей прелести.

В этот вечер у Анны должен был читать свою новую повесть известный писатель, приехавший из провинции печатать свою книгу. Общество собралось очень большое. В гостиной около Анны шел оживленный разговор. Его вызвал спор двух молодых женщин, говоривших о воспитании детей. Одна из них, графиня Вельская, говорила, что все воспитание — в личном влиянии на детей, что надо, главное, быть с ними, следить за раз-

витиём их характеров и их души и помогать им в этом. Другая, веселая и легкомысленная баронесса Инсбрук, утверждала, что лучше всего предоставить их самим себе, что все в детях врожденное, что воспитанием ничего не сделаешь, а лучше всего не нарушать своей личной жизни. Все горячились, перебивая друг друга. Один пожилой генерал, обратившись к Анне, сказал:

— Воспитанью детей надо учиться у княгини. Я не видал более натуральных, здоровых и умных детей, как ее дети.

— Я думаю, что воспитывать детей можно только тогда, когда сам твердо знаешь, что хорошо и что дурно. И хорошее надо развивать, дурное заглушать, — сказала Анна. — А затем я могу только повторить слова Сенеки: «*Les facultés les plus fortes de chaque homme sont celles qu'il a exercées*» *.

«И откуда что берется! — подумал князь. — Какая спокойная самоуверенность! И эти бриллианты в ушах, как красиво блестят, перебивая блеск ее прекрасных, оживленных глаз!»

И князь вспомнил жену, когда она вечером, распустив на обнаженные плечи свои темно-золотистые волосы, стоит перед зеркалом, раздеваясь, как она оглянется на него, когда он входит в спальню, и вспомнив, что минута эта близка, он радостно встал навстречу приехавшему знаменитому писателю, который эту радость принял на свой счет.

Анна тоже поднялась с дивана навстречу знаменитому гостю. Шумя подбитым шелковой материей шлейфом серенького, обшитого таким же пушистым мехом суконного платья, она подошла к гостю, приветливо здороваясь с ним.

— Я знаю, что вам трудно, вы не любите читать в обществе, и потому я особенно, особенно благодарна вам, — говорила она, усаживая знаменитого писателя около себя.

Скоро началось и чтение. Повесть, прочтенная знаменитостью, произвела на всех сильное впечатление; некоторые робко хвалили, другие благодарили писателя. Но никто красноречивее не мог высказать свое впечатление, как Анна. Она протянула одну руку писателю, а другой утирала слезы. И он понял, как глубоко почувствовала она то, что он писал сам слезами, и горячо ответил ей на ее пожатие.

Когда гости стали разъезжаться, чувствуя, как полон интереса и оживления был и этот вечер, проведенный в доме княгини Прозорской, Анна установила очень юного и с резко армянским типом человека и сказала ему:

— Вы обещали мне позировать. Приезжайте завтра, а потом мы все и дети поедем кататься на коньках. Решено?

— Я очень счастлив, княгиня, и буду к вашим услугам.

— Вы не пугайтесь, сеансы будут очень короткие, и можно разговаривать. Мне так нужен тип вашего лица для задуманной мной картинки! Так до свиданья.

Когда Анна очутилась вдвоем с мужем, он спросил ее насмешливо:

— Это что еще за фантазия писать этого щенка?

Анна громко рассмеялась.

— Щенок с очень типичным лицом, именно таким, какое мне нужно, и я непременно напишу с него этюд.

— А на коньки зачем же вместе?

— А затем, что он из преданности будет детей катать в креслах, а я сама буду кататься.

Что же было зловещее, чуждое в легкомысленном и веселом тоне Анны? Князь не мог ее понять. Он никогда не видал ее в большом обществе, и успех ее и оживление пугали его. Он весь был поглощен женой последнее время. Но она все как будто ускользала от него, а вместе с тем так обставляла свою городскую жизнь, что князь никогда не скучал дома и не искал уже развлечений.

На другое утро Анне принесли записку от старой ее знакомой, убедительно просившей Анну довезть на бал ее дочь. Бал был один из самых веселых, сама она захворала и не хотела лишать свою дочь удовольствия. Анна, получившая тоже приглашение, не хотела ехать на этот бал. Теперь же задумалась, но написала свое согласие.

* «Самые сильные способности в человеке те, которые он развил» (франц.).

До последнего вечера она не говорила мужу о своем намерении ехать на бал; она знала, что ему это будет неприятно, но ей не хотелось огорчить дочь своего старого друга.

В этот вечер у князя были гости, которым князь читал свои статьи. Анна знала все эти скучные рассуждения, которые столько раз приходилось ей переписывать; столько в них было непонятных ей старательно подобранных трудных научных слов и выражений. Она не слушала чтения и провела вечер с детьми. Невольно вспомнила она Бехметева и вечера, проведенные с ним в деревне; ей стало невыносимо одиноко и грустно. Простившись с детьми и уложив их спать, она стала собираться на бал. К двенадцати часам она, одетая во что-то серебристое, с старинными блондами и светлыми розами, напудренная и блестящая своей красотой стояла перед трюмо. Девушка, осторожно обходя кругом, брызгала, дуя в стеклянную трубочку, духами. Дверь открылась, Анна вздрогнула. Вошел князь и, увидав жену в таком наряде, остановился удивленный и недовольный.

— Куда это? — спросил он.

— Я везу на бал Марусю Павлович по просьбе ее матери, которая больна, — спокойно ответила Анна.

— Зачем это? И отчего ты мне не сказала? Матери семейства — таскаться по балам...

— Какие выражения! Таскаться! Я хотела сделать приятное матери Маруси и ей самой. И потом я очень люблю балы. Люблю блеск, красоту, веселье молодежи. Ты отлично знаешь, что я на балах сижу всегда с старушками и смотрю, как на спектакль.

— А почему я знаю, что ты там делаешь? — запальчиво сказал князь, не спуская, впрочем, с жены глаз. — Не могу скрыть от тебя, что ты очень красива сегодня, — прибавил он и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Анна презрительно проводила его глазами и почему-то опять вспомнила Бехметева и вместе с ним беспредельное пространство грустной деревенской природы, осенний туман и тихое, тихое счастье.

Появление Анны на бале произвело в этот вечер особенно сильное впечатление. У дверей большой бальной залы толпилась кучка мужчин. Какой-то адъютант сказал: «Вот царственный вход на бал». Анна оглянулась. Всегда приветливая и спокойная, красавица княгиня Прозорская, не показывая никому предпочтения, как будто обещала его всем. Как у всех почти очень красивых женщин, и у Анны был тот добрый, ласкающий всех взгляд, который есть как бы отражение того выражения, с которым смотрят люди на красавиц, любуясь ими.

Но задумчивые и ласковые глаза Анны сегодня, глядя на всю эту веселую, пеструю толпу, видели все чаще и чаще в этот вечер нагнутую над книгой или рисунком голову Бехметева, окруженного ее горячо любимыми детьми, и ей захотелось убежать отсюда, из этой московской суеты туда, в эту привычную, простую, ласкающую тишину деревенской жизни, где она только и могла быть счастлива.

Веселая блестящая баронесса Инсбрук подошла к ней и спросила, весело ли ей.

Анна удивленно усмехнулась и спросила, что может делать бал веселого для нее.

— Mais il y a dans cette foule toujours quelqu'un qui vous intéresse?

— Qui, il y a foule; mais pour moi il n'y a personne*, — грустно сказала Анна.

— «Un seul être vous manque, et tout est dépeuplé»**, — продекларировала баронесса стих Ламартина и, засмеявшись, исчезла в толпе, удивляясь, что же делало Анну такой счастливой, веселой и блестящей? Ведь ей, не танцующей и не кокетничавшей ни с кем, никогда, — ей должно быть скучно?

Но скучно Анне не было потому, что где-то глубоко светилась искра настоящего счастья, искра любви Бехметева к ней, которую она знала

* Но ведь в толпе всегда найдется кто-то, кто будет для вас интересен? — Да, вокруг толпа, но я не различаю лиц (франц.).

** Всего один человек отсутствует, а для вас уже никого не существует (франц.).

и которая изнутри освещала всю ее жизнь. Она никогда не призналась бы себе в этом, но она не могла не чувствовать этого. Когда ею любовались, она сейчас же видела, как любовался ею он. Исполняла ли она свои обязанности, занималась ли чем, читала ли, рисовала ли — она всегда думала, одобрил ли бы он ее и как отнесся бы к ее поступкам. Если б кто-нибудь уяснил ей это состояние души ее, она отвергла бы с негодованием и ужасом, считая за клевету и за обвинение в нечестности ее. Но это было так.

Глава 5

Жизнь в городе изо дня в день с напряженным вниманием к тому, чтоб не давать скучать мужу и держать его при себе и дома, с усилиями поддерживать светские отношения и вместе с тем следить за воспитанием детей, — все это до того утомило Анну, что она решилась хоть дня на два уехать в деревню «опомниться», как она говорила. Ее тянуло к тишине, к природе, к молодым воспоминаниям, к чистым впечатлениям деревенской жизни, а далеко-далеко в душе ее шевелилось смутное желание видеть Бехметева. Она не позволяла себе признаваться в этом, но образ любимого человека невольно сливался со всем тем, что тянуло ее в деревню.

Анна сказала мужу, что ей необходимо съездить домой по хозяйству, что в школе беспорядки, что надо поощрить и поддержать молодую учительницу, которую напугал инспектор; да наконец, что сама она так устала от города, что должна съездить взглянуть на открытое, не загороженное домами небо, на чистый снег, на покрытый инеем лес, а то она непременно заболает.

Все это показалось крайне дико князю, но он видел, что спорить нельзя, что бывают у женщин такие решения, против которых никто не может идти, а если пойдет, то разобьется сам, но решения не изменит.

Анна уложила с помощью девушки небольшой чемодан и, чтоб не терять ни одного дня в дороге, уехала в ночь. При прощании с детьми ей стало страшно их оставлять. Она долго крестила и целовала недавно отнятого от груди маленького Юшу, поцеловала старших сонных детей, и упрек совести зашевелился в ней. Но остаться она не могла, это было выше ее сил. Князь простился с ней снисходительно, но особенно нежно. Она долго после чувствовала влажные поцелуи его губ и видела чувственный взгляд его, который последнее время так часто останавливался на ней.

Она достигла своей цели: муж не ушел от нее. Но какую цену! Анна вспомнила все то, что она делала, чтоб удержать мужа, и ей стало противно и гадко на себя. А она, что стала она? Она уходила, уходила все дальше и дальше от того, кто убил в ней лучшую сторону ее личного «я», и ей стало страшно.

Глава 6

Анна телеграммой велела выехать за собой на станцию. Старый кучер особенно приветливо поздоровался с Анной, подавая к подъезду станции знакомую гнедую тройку.

Когда Анна выехала за заставу, неожиданный восторг вырвался из ее груди. Утро было прелестное. Ясное солнце так и заливало светом ослепительно белые, ровные поля. «Да, эта беспредельность, бесконечность, l'infini — вот чего мне хотелось! — подумала Анна. — Меня задавили стены, заборы, дома в этой ужасной городской обстановке! Вот где жизнь, где свобода, простор и где Бог!.. Да, я вольная птица, я родилась и выросла в деревне, я не могу жить в городе...» — рассуждала Анна, а тройка так весело бежала, однообразно побрякивая бубенчиками, по ровной снежной дороге, и сани, изредка попадая в ухабы, подбрасывали Анну, нарушая ее радостное и мечтательное настроение.

Наконец въехали в старую березовую аллею. Иней тяжело повис на ветвях столетних корявых берез и, блестя тысячами огней на солнце, придавал всей природе особенно торжественный и праздничный вид.

«Ах, как хорошо, как все знакомо, спокойно, красиво и серьезно!» — подумала Анна, подъезжая к дому управляющего и оглядывая всю усадьбу.

Управляющий ждал с самоваром и особенно старательно приготовленным чаем. Пока Анна пила чай, который разливала старушка, тетка управляющего, он значительным тоном докладывал Анне, очевидно, заранее приготовленную речь о хозяйственных делах, о молотбе, о скотине, о порубках в лесу. Он спросил, когда она посмотрит книги.

— Вечером, теперь я пройду на гумно, в школу и на скотный двор.

— Прикажете вас проводить, княгиня?

— Пойдемте.

Анна старательно обошла все хозяйство. Хозяйственные дела, бессознательно для Анны, служили оправданием ее поездки. Она старалась быть добросовестна, хотя хозяйство мало интересовало ее. Ей было просто весело и точно все ново в этой старой обстановке. Она обратила внимание и на новых телят под матками, и на молодых, вновь обьежаемых лошадей. Посмотрела, сколько осталось немолоченного хлеба, и сделала выговор, что не весь хлеб обмолочен. Она даже проведала индеек и гусей, так мало всегда ее интересовавших. Но все это было по крайней мере естественно, просто, все это была сама природа, безыскусственная и вечная!

Отпустив управляющего, Анна пошла в школу. Молодая учительница, похудевшая и побледневшая, стояла у доски и горячо толковала задачу мальчику, вопросительно и пугливо смотревшему на нее.

— Лидия Васильевна! — окликнула ее Анна.

— Ах, княгиня, милая! Какими судьбами? Вот уж не ждала. Какая радости!

— Что это вы как похудели? — спросила Анна, целуя девушку.

— Да очень трудно, княгиня, И неприятности с инспектором были. Всю душу кладешь на дело, а тут придирки: не то читаешь, не те учебники. Им только как бы еще притупить народ, а не развить.

Анна пристально посмотрела на это милое бледное лицо учительницы, и ей вдруг ясно стало, насколько лучше и выше ее было это никем не замечаемое, не ценимое, самоотверженное и целомудренное существо, отдавшее всю свою молодую жизнь на служение делу, в которое она верила и любила больше всего, больше себя. А она? Никогда не довольная, богатая, живущая в роскоши, окруженная своими детьми, — что делает она такого, что принесло бы хоть кому-нибудь пользу?

И Анна стала сама себе противна, и пришла ей мысль, что неужели эта милая девушка так и проживет свою тусклую жизнь без награды, а она свою блестящую жизнь — безнаказанно?

Посидев в школе, Анна нежно простилась с молодой учительницей и пошла проводить старую бывшую горничную покойной княгини, которая жила на пенсии и была разбита параличом.

Старушка страшно обрадовалась Анне и начала свои бесконечные, столько раз слышанные Анной рассказы о старине, о собаках, которых больше всего на свете любила старушка, о том, как ночью корова отелилась и принесли в скотную замерзшего теленка; о том, что московская курочка вчера в первый раз с яичком пришла и кудахтала всю ночь, и о многом еще — из мира птиц и животных. Видно было, что безжизненное существование ее было все наполнено чужими жизнями, хотя бы животными, и она удовлетворялась этим.

— А вот, матушка княгинюшка, на праздник Николы просила я того, чайку купить и все прочее и свечечку восковую. Ну и зажгла я ее угоднику за здравие князя батюшки с супругой и чадами. Только зажгла — слышу, посылает приказчик искать князевых гончих. Ушли, разбойники, в лес. Думаю: батюшки, пропадут, князю горе. Я и давай молиться угоднику: батюшка, Никола-угодник, пусть свечка моя идет за пропажу. Грешница я, княгинюшка! Что же, пришли, оканные, скорехонько.

Анна насилу вырвалась от старушки; вернулась домой, пообедала с управляющим и его теткой и пошла одна бродить по столь знакомым и любимым ею местам. Было морозно и удивительно красиво. На деревьях, кустах, на соломенных крышах, на каждой травке везде тяжело повис иней. Анна шла по дорожке прямо в любимую ею посадку; налево солнце уже низко спустилось за молодые деревья; направо, над старым дубовым лесом, восходил уже месяц. Белые макушки деревьев и вся зимняя природа были освещены с двух сторон перебивающими и сливающимися двумя отблесками: нежным, белым от луны и светло-розовым от солнечной вечерней за-

ри; а небо было синее, и дальше на полянке особенно ярко блестел белый-белый пушистый снег.

«Вот где чистота! Как она красива во всем, эта белизна в природе, в душе, в жизни, в нравах, в совести! — везде она прекрасна! Как я люблю ее и как я старалась блюсти ее везде, всегда! А зачем! Кому она была нужна? Не лучше ли бы были воспоминанья какой-нибудь страстной любви, хотя и преступной, но настоящей, полной, не лучше ли теперешней пустоты — и белизны моей совести?.. — Анна вздрогнула. — Конечно, нет, тысячу раз нет! Никогда!» — чуть не вскрикнула Анна. И вдруг, точно омывшись душой в этой чистой природе, Анна почувствовала такой подъем душевных сил, который давно не пришлось ей испытывать. Она вернулась домой, когда уже смерклось, и рассеянно принялась пересматривать счетные книги управляющего. Она сделала несколько замечаний, распорядилась раздачей земли крестьянам и, велев отворить дом, пошла взять в кабинете мужа книги, которые он просил привезть. Войдя в холодную комнату, она вздрогнула и окинула ее взглядом. Сколько воспоминаний! Сколько пережито здесь и радости, и горя, и разочарований! Анна села и начала перебирать вещи мужа, его письма, бумаги, дневники. Холодные, окоченевшие пальцы ее перелистывали знакомую книгу, тщетно ища в ней хоть какое-нибудь отношение к себе. Последнее время, живя в деревне, князь относился к жене, как к пустому месту, она не интересовала его ни с какой стороны. Но вот ее имя: «Да, он описывает, как я его встретила — и тут только одна досада». Дальше было описание охоты и дамы, участвовавшей в ней. У Анны забилося сердце. Она читала и ужасалась цинизму выражений ее мужа.

«Ох, какой ужас! А как я хорошо и долго любила его!» — с странным приливом нежности подумала Анна и бросила в стол дневник. И смутно мелькнула у нее мысль, что хорошо любила она в муже то, на что заявляла требования ее чистая, любящая натура, а не то, что он дал ей взамен этих требований.

Анна легла спать, не решив еще, уедет ли она завтра утром в Москву или поедет к Варваре Алексеевне, чтоб увидеть ее брата. Она не спала почти всю ночь. Постель была непривычная, тетка управляющего, уступившая княгине свои пуховики и спавшая на сундуке, охала и храпела всю ночь. Наконец эта длинная декабрьская ночь прошла, и как только Анна отдернула занавеску от окна и увидала блестящее морозное утро, она сейчас же решила, что поедет к Варваре Алексеевне. Она собрала свои вещи и велела складывать. Воображением своим Анна подделывала разные предлоги, под которыми ей необходимо видеть Варвару Алексеевну. Ей надо посмотреть школу, посоветоваться, поучиться, да наконец просто неучтиво не побывать у нее. Но сердце Анны сильно билось, когда она подъезжала к усадьбе Варвары Алексеевны. Что она ей скажет? Никогда особенной близости между ними не было. Какой изберет предлог? И зачем, собственно, она, место которой в Москве, с мужем и детьми, едет сюда, к мало знакомой ей женщине?.. Дети? Да, что-то дети теперь делают? Маня и ее любимец крошка Юша?..

Но рассуждать было уже поздно. Сани подъехали к крыльцу, и Анна беспокойно и робко вошла в переднюю небольшого деревенского дома Варвары Алексеевны.

Была какая-то зловещая тишина в доме, точно никто в нем и не жил. Все было неподвижно, чинно и чисто в передней и зале, куда заглянула Анна. Она уже хотела вернуться, как вошел, мягко ступая, старый слуга, снял с Анны шубу и просил войти, объявив, что барыня дома и он сейчас доложит.

Довольно долго пришлось Анне ждать. Послышались шаги, суровая, торжественная и учтивая вошла Варвара Алексеевна. Она, видимо, очень удивилась приезду Анны, выслушала недоверчиво речь ее о том, что она хочет посоветоваться с ней о делах школы и о воспитании крестьянских детей, и пригласила Анну завтракать. О брате она не упомянула, а когда Анна спросила, как его здоровье, Варвара Алексеевна нахмурилась и сказала:

— Он нехорош. Кашель ужасный. Я его посылала к доктору, в Москву, а он смеется и говорит: двенадцать лет все лечусь. А не все ли равно — раньше или позднее — конец один. Он гулять ушел, — прибавила она.

У Анны болезненно сжалось сердце. «Конец рано или поздно... Да, так и должно быть, — подумала она. — На пути моей жизни и моей совести ни-

когда ничто не должно было стать. Все к лучшему... Но как же я-то останусь жить? Чем буду я жить?..» — с ужасом прокричал в Анне внутренний голос, и никакие рассуждения о долге, муже и детях не могли отклонить ее от ужаса смерти Бехметева.

В это время послышался в передней его голос, спрашивавший, кто приехал.

— Барыня какая-то, княгиня, забыл, как их.

Бехметев не дождался ответа и поспешно вошел в гостиную. Он побледнел, когда увидел Анну, остановился на минуту, потом кровь хлынула ему в лицо и он овладел собой.

Пораженная переменой, происшедшей в Бехметеве, Анна пристально и сурово посмотрела ему в глаза, и в этом молчаливом обмене взглядов было их первое, тяжелое признание.

— Менее всех в мире ожидал увидеть вас, княгиня, — первый заговорил Бехметев, здороваясь с Анной. Он не спросил ее, зачем она приехала в деревню, он понял все в одну эту минуту, понял по страстному, болезненно-суровому выражению прекрасных, устремленных на него темных глаз ее; и радость, и боль, — все вместе охватило его душу.

Разговоры были общие. Анна рассказывала про Москву, про усталость свою от городской жизни и беспрестанно вздрагивала при отрывистых, жестких звуках кашля Бехметева.

Когда Варвара Алексеевна зачем-то вышла, Анна вдруг переменяла тон и спросила беспокойным голосом:

— Вам плохо?

— Да, что-то в груди не ладно. Летом пройдет.

— Мы приедем в марте, — невольно вырвалось у Анны.

— Как это будет хорошо! О вас, княгиня, дошли слухи, что вы имеете неслыханный успех в свете, — сказал Бехметев.

— Кто вам сказал? Если б вы знали, как для меня никого там нет! — сказала Анна.

— Вас пока никто не интересуется, а все перед вами преклоняются. Ведь вы знаете, что если кто полюбит такую женщину, как вы, то это опасно; в любви остановиться на полдороге нельзя, любовь вас захочет всю, всю...

Бехметев опять побледнел; он задыхался, и лицо его стало даже неприятно по страстной суровости его выражения. Анна испуганно смотрела на него. Эти непривычные речи со стороны этого идеального человека смутили ее ужасно. Она молчала. Болезненное лицо Бехметева продолжало быть мрачно, и сдержанная страсть как бы исказила его еще болезненнее. Анна страдальчески посмотрела на него.

— Как, и вы так думаете? Но ведь такие требования любви ее-то и убьют, как убивают ее всякий день все, все...

— А чем же, княгиня, любовь может жить, то есть долго жить?

— О, конечно, только духовной связью. Такая любовь вечна, для ее смерти нет.

— Вы думаете, исключительно духовной связью?

— Не знаю, исключительно или нет, но во всяком случае это **прежде всего** и это несомненное счастье.

Бехметев задумался.

— Вы, может быть, правы, княгиня, — тихо сказал он. — Так лучше, и да будет так, — прибавил он, подходя к ней и придвигая стул, чтоб сесть около нее.

Он участливо и нежно стал расспрашивать ее о детях, о живописи, о ее жизни вообще. Она подробно рассказывала ему, как рассказывают человеку, в котором уверен, что все, все несомненно интересует его.

Варвара Алексеевна, вернувшись, пригласила Анну посмотреть ее школу. Анна старалась показать самое большое внимание, но ей это было так трудно. После обеда она начала торопиться, чтоб не опоздать на поезд.

— Я провожу вас, княгиня, можно? — спросил Бехметев. — Мне нужно быть завтра в городе, и я воспользуюсь, чтоб проехаться с вами до станции.

Анна ничего не ответила, но, когда подали сани, она, прощаясь, сказала:

— Дмитрий Алексеевич, вы, кажется, хотели, чтоб я вас подвезла до станции?

— Я готов сейчас, княгиня.

Дорогой они ничего не говорили. Было пасмурно, дул сырой и теплый ветер; небо тусклое повисло низко, готовился снег, и грозила метель.

— Кажется, мы попадем в метель.

— Молчите, пожалуйста, вам нельзя разговаривать в такой ветер, — говорила Анна.

И он молчал, но глаза его, глядевшие вперед, но не видящие ничего, что происходило вне его, видели только свое внутреннее счастье, счастье быть возле той женщины, которую он любил больше всего на свете, не смея сказать ей это, и любовь которой и он чувствовал в эту минуту. Анна видела это выражение счастья и долго, долго потом в одинокие тяжелые минуты ее жизни этот взгляд светил ей изнутри.

И они ехали все дальше и дальше, думая об одном и том же, не требуя ни от судьбы, ни друг от друга ничего больше, а чувствуя среди этой снежной, чистой беспредельной природы свое отношение к ней, к Богу и к вечности, в которой и теперь, и после, и всегда придется жить одной жизнью, в которой можно быть счастливым, чистым и любить бескорыстно и бесконечно.

— Вот и огоньки станции, — сказала Анна.

— Ну, Дмитрий Алексеевич, придется ночевать на станции, — сказал кучер. — Метель вовсе разыгралась.

— Можно и ночевать. Приехали, княгиня.

На станции они простились, просто пожав друг другу руки.

Бехметев дождался отхода поезда и долго потом смотрел на удалявшийся хвост вагонов, змеей изогнувшийся на повороте дороги и исчезнувший под аркой моста.

Глава 7

Как всегда это бывало с Анной, когда она подъезжала к дому, беспокойство ее о том, что она застанет дома и здоровы ли дети, возрастало с каждой минутой.

— Все здоровы дома? — спросила она выехавшего ей навстречу кучера.

— Не могу знать, ничего не слыхал, ваше сиятельство.

Нетерпение и беспокойство дошли до болезненности, когда Анна подъехала к своему дому и слуга отворил ей дверь.

— Здоровы все? — повторила Анна вопрос.

— Слава Богу, только у маленького, нянюшка говорила, жарок.

У Анны так сердце и упало. «Я это чувствовала», — подумала она.

Погревшись у печки в передней, она побежала прямо в детскую. Старшие дети с криком: «Мама, мама приехала!» — бросились ей навстречу.

— У Юши жар, — объявила торжественно Маня, спеша, как все дети, первая передать важное известие.

Анна подбежала к кроватке ребенка и схватила на руки маленького Юшу, который, увидав мать, сейчас же заплакал от волнения.

Ужас, отчаяние охватили сердце Анны, упреки совести мучили ее. Вся поездка ее и эгоистическая, столь не свойственная ей слабость показались ей отвратительными. Она смотрела на плачущего, горящего мальчика и не смела даже поцеловать его.

— За доктором посылали?

— Нет, — отвечала няня. — До вас приказал князь подождать.

Анна поспешила написать доктору и спросила, где князь.

— У себя в кабинете, занимаются.

«Ему, конечно, все равно, что Юша болен», — с горечью подумала она.

Еще князь не выходил из кабинета, как приехал доктор. Анна вопросительно следила за лицом и движениями знаменитого профессора по детским болезням и поняла, что ребенку плохо.

— Ничего нельзя еще сказать, княгиня. Завтра определится. Температура очень высока. Думаю, что будет корь и может быть с осложнениями, — сказал доктор.

Мальчик тяжело дышал и хрипло кашлял. Вошел князь. Он поздоровался с женой, с доктором и спросил:

— Ты давно приехала?

— Да уже часа два.

Князь поговорил с доктором, презрительно выказывая свое недоверие к медицине, и холодно простился с ним.

— Я заеду завтра утром, княгиня, — сказал доктор, обращаясь к Анне.

— Пожалуйста, — сказала она, укладывая в постельку заснувшего мальчика. — Идите обедать, няня, я тут посижу.

Князь тоже остался в детской и начал расспрашивать Анну о ее поездке.

— Ты где же ночевала? — спросил он между прочим.

— В доме управляющего, конечно; ведь в нашем доме не топлено.

— Как это неприлично и глупо.

— Что?! — с удивлением спросила она.

— *C'est un jeune homme, et je vous dis que ce n'est pas convenable; vous manquez toujours de tact* *.

— Я спала с его теткой. — с трудом выговорила Анна, замолчала и уныло посмотрела в кроватку спящего мальчика.

— Ты была еще где-нибудь? — продолжал расспрашивать князь.

— Да, я ездила к Варваре Алексеевне посмотреть ее школу, видела Дмитрия Алексеевича. Он проводил меня до станции. Плох он, кашляет ужасно.

— Как? Это еще что? Ты ехала с ним ночью, одна?

— Не ночью, а вечером.

Князь вскочил и прошелся по детской.

— Ты Бог знает как ведешь себя! — вскрикнул он.

— Тише, ты ребенка разбудишь.

— Так жить нельзя! Это безобразие! — кричал князь. — У тебя дети, а ты всякому готова броситься на шею, кто за тобой приволочнется.

Анна все молчала, но слезы текли из глаз ее. Подавленная упреками совести, беспокойством о ребенке, оскорбленная подозрениями мужа, она ничего не нашла, что ответить в свое оправдание; только строго, сбоку посмотрела сначала на мужа, потом на ребенка и тихо прошептала:

— Пожалуйста, тише.

Князь замолчал. Он на минуту усумнился в справедливости своих упреков и понял, что если жена его ни в чем не виновата, то не ради его, оскорблявшего ее так часто своей ревностью, а ради этого горящего, горячо любимого ею мальчика.

Он вышел. Долго ходил он взад и вперед по кабинету. Ревность мучила его последнее время все больше и больше. Воображение его рисовало ему самые грязные и цинические картины. То видел он входящего ночью управляющего в комнату его спящей жены; то представлялся ему Бехметев, его старый друг, обнимающий ее в саях. А она?.. Он не знал ее; он никогда не потрудился вникнуть, что за женщина была его жена. Он знал ее плечи, ее прелестные глаза, ее страстный темперамент (он был так счастлив, когда наконец разбудил его), а была ли она счастлива с ним, была ли вполне честная женщина и любила ли его или нет, этого он не знал и не мог решить. Она, правда, покорялась его периодическим требованиям, а что было за этим — он никогда не мог проникнуть.

Проходя в десятый раз свой кабинет, он вспоминал свои любовные интриги до женитьбы. Как хитро и тонко обманывал и он доверчивых мужей, отнимая у них жен! Как естественно и даже весело было это вечное ухаживанье, эти ловкие приемы для назначения свиданий, для катанья на тройках, когда незаметно для окружающих и особенно для мужей он жал под пушистой ротондой теплые ручки дам и, обняв рукой их гибкие талии, прижимал к себе. «Почему другие не будут делать то же с моей женой? Почему Бехметев не воспользуется случаем ухаживанья за такой красивой женщиной, прямо бросившейся ему на шею?»

Все больше и больше мучался князь ревностью, и ненависть к той женщине, обладать которою должен был он один, возрастала с страшной силой.

* Он молодой человек, и я повторяю, что это неприлично; у тебя вечно недостает такта (франц.).

Но с этой ненавистью росла и страсть, неудержимая, животная страсть, силу которой он чувствовал и за то сердился еще больше.

У детей действительно началась корь. Слегли все четверо. У маленького Юши корь осложнилась воспалением легких. Анна поселилась в детской и с болезненным напряжением следила за состоянием детей. Целые ночи просиживала она или ходила взад и вперед по детской с маленьким Юшей на руках. Нагнувшись над его посиневшим личиком, она томилась его трудным дыханием, дышала ему в ротик, целуя его, точно она хотела передать ему свою жизнь, свое здоровье. Иногда стояла она над кроватью его и молилась, молилась так, как только молятся матери. Молитва ее не была просьбой у Бога спасти ребенка, а это было признание своего бессилия перед Богом и отдача себя в Его власть. «Вот она я, Господи, страдающая, слабая и покорная. Пожалей меня, если есть на то Твоя воля, спаси его!»

Муж ее, видимо, тяготился этим периодом болезни детей. Он говорил, что она преувеличивает опасность болезни детей и для всех в доме делает ад. Он избегал встречаться с доктором, который ездил всякий день, и сердился на Анну за исключительное доверие ее к этому доктору. Но Анна не обращала на это внимания, она ждала всегда с нетерпением этого доброго и умного человека. Он так внимательно и участливо относился и к ребенку, и к ее горю. Такими добрыми глазами смотрел он на эту молодую, страстную и исхудавшую с горя мать.

— Не надо так отчаиваться, княгиня, — говорил он, зашивая компресс на грудке мальчика. — Посмотрите, сколько в нем жизни, — чуть получше, он уж играет.

И Анна, истрадавшаяся до последней крайности, была всем сердцем признательна человеку, который помимо медицинской помощи поддерживал и утешал ее в этот тяжелый период ее жизни.

Маленький Юша и все остальные дети выздоровели. Анна опять ожила на время и отдохнула душой. Князь тоже повеселел. Он рад был, что жизнь вошла в прежнюю колею, что Анна вернулась из детской в спальню и что доктор прекратил свои посещения. Анна все это поняла, и еще один надрез совершился в любви ее к мужу. Она никогда не забыла и не простила ему его равнодушие к болезни детей и безучастность его к ее горю.

Когда все поправились, ослабевший и утомленный организм Анны не выдержал, и она заболела. Непосильные труды ходьбы за детьми, бессонные ночи, проведенные часто в хождении с тяжелым ребенком на руках целыми часами, сердечное беспокойство, — все это вызвало в Анне преждевременные роды и вслед за ними тяжелую женскую болезнь. Анне пришлось пролежать в постели шесть недель.

Князь сначала страшно испугался, сам вызвал докторов, не спал ночи, видел возможность потерять привычное удобство иметь молодую, красивую и здоровую жену. Он был то нежен, то нервно беспокоен, то раздражался какими-нибудь неосторожными движениями жены, упрекая ей, что она не бережется. Но, когда опасность миновала и Анна, бледная и спокойная, неделями лежала с книгой или работой в руках, князь начал страшно скучать и под разными предлогами уезжать из дома. Он показывал ей даже часто некоторую враждебность, что заставляло Анну вспоминать пословицу: муж любит жену здоровую... и вздыхать о своей немощи.

Мало-помалу Анна стала привыкать к этому циническому отношению своего мужа к ней, к своему одиночеству. Как часто вспоминала она свою мать и сестру, которые теперь так могли бы утешить ее; но они давно, давно переселились жить за границу для маленького Миши, у которого оказалось искривление спины и которого возили несколько лет из одного места в другое, поддерживая его слабое существование.

Анна окружила себя детьми и книгами. Но дети утомляли ее, и их уводили по приказанию докторов. Зато книг никто не отнимал у нее. Редко могла она пользоваться в жизни своей таким досугом, как теперь. Бывало, просматривая философские книги у мужа в кабинете, она прочитывала только некоторые и, не имея времени читать, пробегала другие. Теперь же она взяла все любимые философские сочинения и читала их, выписывая те места, которые ей больше всего нравились. Когда прошло два месяца, Анна просмотрела свою записную книжечку и сама удивилась, как больше всего интересовал ее вопрос о смерти, и не в смысле исчезновения из жизни, а

в том, что смерти нет. Новое религиозное чувство овладело душой ее. Все мерилось в ней верой о бессмертии. Она вдруг увидела через все мирское ту точку, которая не имеет предела, через которую душевный глаз ее увидел-бесконечность и бессмертие, и ей стало легко и радостно.

«Вот все, что по этому вопросу записано из нашего церковного учения, — оно тоже говорит о бессмертии... А вот Епиктет, философ, язычник и раб, а он понял, что смерти нет, что смерть есть поглощение человеческого разума в Разум всемирный...» — размышляла Анна, просматривая свою записную книжку.

«Да, нас поглотит этот всемирный Разум, это божество, которое мы знаем всем существом своим, которое любим, от которого исходим и в волю которого отдаемся!»

В этом новом настроении Анна с блаженством оставила в начале апреля Москву и уехала со всей семьей в деревню.

Глава 8

Настроение Анны беспокоило князя. Что-то было неестественное, спокойное, загадочное и вместе самоуверенное во всем ее существе, что-то такое, что она берегла от него, не допуская до его прикосновения. Он никогда хорошенько не понимал ее, теперь же менее прежнего.

Анна в деревне стала быстро поправляться от болезни. Доктор, лечивший ее, предупредил князя, что несмотря на такое улучшение сил, если княгиня будет неосторожна, то нездоровье ее может повториться, и неоднократно. «Купанье в реке, когда будет жарко, побольше спокойствия и приостановить увеличение семьи...» — деликатно и с усмешкой прибавил он. Князь поморщился на эти слова и ничего не сказал.

Анна посоветовалась еще с знакомой ей женщиной-врачом и несмотря на недовольство князя решила следовать всем советам, чтоб быть снова здоровой, сильной и красивой.

И она достигла этого. Советы врачей произвели свое действие; Анна расцвела вместе с красотой лета, ожила, похорошела, и вся заснувшая энергия ее поднялась с такой силой, что ей часто казалось, что она теперь может все сделать, что все способности людские сразу поднялись в ней.

Устроившись после переезда в своей привычной деревенской обстановке, Анна сначала вся отдалась радостям весенних впечатлений, свободе, природе. Князь тоже повеселел и стал спокойнее и нежнее с женой. Он часто звал ее на прогулки, говорил ей о своих мыслях касательно статей и только что вышедшей книги, старался заинтересовать хозяйственными делами.

«Неужели еще возможно наше сближение?» — с радостью подумала Анна. Она была внимательна и ласкова с мужем, исполняла все его желания, старалась сблизить его с детьми. Как это часто бывает в периоды полного семейного благосостояния, Анна отдавалась вся своему счастью, отбросив всякие вопросы, сомнения, все то, что могло бы нарушить это общее счастливое настроение. Как просто, охотно отдалась опять Анна своей старой любви к мужу; она еще раз поверила, что она может быть счастлива с ним, что разлад был случайный, временный. Она так доверчиво, участливо относилась к нему. Всякие мысли о Бехметева она старалась изгнать из той святой святыни души своей, где он так незаметно уже занял такое большое место.

Но влюбленное, миролюбивое настроение князя продолжалось, как и прежде, недолго. Оно всегда имело свой предел.

В середине мая, в жаркий день, редкий в весеннюю пору, Анна встала непривычно рано и вышла на террасу. Все в доме еще спали. Анна послала узнать, встали ли Маня и ее гувернантка, и велела их позвать. Но и они еще не вставали. Тогда Анна пошла одна в лес. Утро было необыкновенно красивое, как бывает только в мае, когда природа еще не все дала, но обещает еще и еще больше красоты и расцветания; когда все свежо, ярко, ново и нет страха, как летом, что скоро, вот-вот вся эта созревшая красота начнет блекнуть и осыпется.

Как художница, чуткая на всякую красоту, Анна наслаждалась беско-

нечно и не заметила даже, как дошла до реки, протекавшей версты за две от дома.

«Хорошо бы начать купаться», — подумала Анна и вошла в только что отстроенную купальню. Ей стало страшно раздеваться и очутиться одной в воде. Но светлая, тихая вода, казалось, так и притягивала к своей свежести, и Анна, поспешно раздевшись, прыгнула в воду. Послышались шаги, голоса, и Анна быстро начала опять одеваться. Ей было легко и весело. Непосредственная натура ее так страстно отдавалась вся этой простой семейной и деревенской жизни; ничто, казалось, не могло ее нарушить. Быстрая и легкая побегала она по дороге домой и встретила управляющего. Она спросила: откуда он и куда? Он сказал, что он обходил пешком поля, потому что лошадь его захромала, а что теперь идет домой.

— И утро такое прекрасное! — прибавил он. — И ваше сиятельство рано встали.

Разговоры о хозяйстве, о всходах, о новых машинах, привезенных из Москвы и купленных князем, мало интересовали Анну, но ее счастливое настроение делало ее такой доброй, что ей никого не хотелось обидеть, и она показывала внимание и даже участие к интересам управляющего.

Когда дорога пришла к раздвоению, которое в одну сторону вело к дому, а в другую — к флигелю управляющего, Анна сказала: «До свидания», — и вдруг увидела идущего ей навстречу мужа. Она издала приветствовала его веселым и ласковым голосом, но, когда увидела ближе его лицо, у ней так и упало сердце. Оно было искажено злобой.

— Ты откуда так рано? — спросил он.

— Я гуляла и купалась.

— Et que veut dire cette intimité avec l'intendant?

— L'intimité? * Почему? Он просто шел с полей, я с купанья, мы встретились, оба шли домой, — ведь путь, кажется, один? — подробно и просто объясняла Анна, слегка усмехаясь.

— Ты всегда была и будешь унижительно бестактна; этот tête-a-tête неприличен, c'est presque un domestique **, — сказал князь, злобно задыхаясь.

— Ах, Боже мой! Зачем ты вечно портишь наше счастье? — сказала Анна.

— Ну, теперь начинаются сентиментальности. Je suis trop vieux pour cela, ma chère ***.

— Ты напрасно мучаешь себя и меня, — продолжала Анна. — Мне жаль тебя. Ну посмотри на меня, оглянись, пойдем вместе, — нежно приставала Анна. Князь молчал и бежал вперед.

— Неужели ты не можешь не сердиться? Ведь не за что! Да, я бестактная, глупая, но ведь мне больно за тебя, я люблю тебя. Я не могу видеть эту суровость в тебе, это беспокойство. — Она взяла под руку мужа и прижалась к нему, как бы прося защиты и ласки. Но князь отодвинул ее руку и поспешно пошел домой. Анна остановилась; сухими отчаянными глазами проводила она мужа, как бы провожая свое последнее счастье, и, тяжело, глубоко и громко вздохнув, пошла тихими шагами домой.

С этого дня князь начал злобно придираться к управляющему и скоро без вины отказал ему, лишившись прекрасного хозяина в лице его.

Анна не могла, не хотела признаться самой себе в том унижении, в которое ставил ее ее муж. Ее! Когда она выше всего в мире ставила чистоту свою, когда она для чистой, счастливой семейной жизни пожертвовала бы всем на свете, если б это потребовалось от нее!

И вот снова прервались ее хорошие отношения с мужем. Они стали натянуты, далеки, неестественны. Тяжело заняло сердце Анны, недолго была она беззаботна и счастлива. Она опять стала угасать и, спасаясь от грусти, принялась за старое любимое занятие свое — живопись.

На другое утро, взяв холст, зонтик и шкатулку, Анна вышла из дома и расположилась писать пейзаж своей деревни у берега пруда. Она все готовила, как вдруг услышала шум экипажа. Взглянув на дорогу, она сейчас же узнала коляску и лошадей Бехметева. Он только раз был у них с

* И что значит эта близость с управляющим? — Близость? (франц.)

** Он почти слуга (франц.).

*** Я слишком стар для этого, дорогая (франц.).

их приезда, и то в многочисленном обществе, и она знала, почему он не ездит. Она смутно догадывалась, что бескорыстная любовь его прежде всего не хотела возмущать ее семейного счастья, не хотела волновать ее честной души, и эта благородная черта еще более только возвысила его в глазах Анны.

Бехметев издали увидел Анну, остановил лошадей и вышел из коляски. Поздоровавшись с ней, он сказал:

— Вот вы за какой опять работой, княгиня? А я давно, давно ничего не писал.

— Давайте сейчас вместе писать, кто лучше, хотите? — предложила Анна.

— Да у меня нет ничего с собой.

— У меня все есть. Подите поздоровайтесь с мужем, а потом возьмите в угловой гостиной, в шкафу, все, что вам надо. Там есть как раз такой же холст, палитра и краски. Кисти я вам дам, тут много.

Через полчаса Бехметев вернулся со всеми нужными предметами и началась работа.

— Здоровье ваше как? — спросила Анна, набрасывая быстро и ловко контуры изб.

— Все то же, княгиня, нехорошо. А вы, как вы поправились, расцвели!

— Да, меня что-то ничто не берет. Я слишком здорова.

— Вам Бог все дал: счастье, здоровье, семью, красоту.

— Вы думаете, что я *очень* счастлива?

— Я это вижу.

— Да? — рассеянно и грустно сказала Анна.

Они молча продолжали писать.

— Как это поощряет — работать вместе, — сказала Анна.

— И как это сближает, привязывает друг к другу — эта работа сообщая, — тихо сказал Бехметев.

— Давайте переводить что-нибудь. Вот я читаю Амиеля: «*Fragments d'un journal intime*» *, удивительно хорошо! Одна я бы не сумела, а вы так хорошо знаете иностранные языки.

— Это будет чудесно, если вы это серьезно говорите, княгиня.

— Я? Да что ж тут удивительного? Я люблю умственную работу, а вы мне можете.

Они опять замолчали. Анна вдруг вспомнила прошлогодние вечера, ее тогдашнее счастливое, спокойное состояние в присутствии этого человека, и радость, тихая, светлая радость вдруг озарила все ее существование. Она взглянула на него и случайно встретилась с ним глазами. В выражении их встретившихся взоров уже не было той суровости, того ужаса перед возможностью страстной, преступной вспышки между ними, а была признанная, радостная духовная связь, от которой никому зла быть не может, но которая озарит их жизнь светом, смыслом и бесконечной радостью.

С этого дня Анна опять стала спокойна. Явилась опять сила жизни, вера во все, кротость. Все, что казалось важно, что тревожило ее, перестало иметь это значение. Она целыми вечерами занималась переводом, увлекаясь им. Бехметев бывал почти каждый день, помогал ей и так как и князь был часто привлекаем к этой работе, то и он заинтересовался ею и относился к Бехметеву дружелюбно и доверчиво.

Как-то раз после продолжительных занятий Анна предложила в виде отдыха после обеда проехаться верхом. Она обратилась к мужу, прося его поехать с ней. Князь охотно согласился и, обратившись к Бехметеву, сказал:

— Надеюсь, что и ты, Дмитрий, поедешь с нами?

— Очень охотно.

Подали прекрасных оседланных трех лошадей. Анна была удивительно хороша с своим ослепительным цветом лица в черной амазонке на вороной лошади. Князь ехал на иноходце, а Бехметеву князь дал особенно дорогую прекрасную рыжую английскую кобылу.

— Я хочу тебя утешить этой лошастью, посмотри, какая красавица!

— Да, прелесть! И легка как на ходу.

* «Отрывки из дневника» (франц.).

Но только что они отъехали от дома полверсты, как встретился им на дороге ехавший к князю по делам их дальний сосед.

— Эх, досадно, надо вернуться, — сказал князь.

— Как жаль! — со вздохом сказала Анна.

— Да ты поезжай с Дмитрием, я вас догоню, когда переговорю с гостем.

Анна показала минутную нерешительность, вернуться ли ей с мужем или ехать с Бехметевым. Но вдруг ей стало страшно, что князь заметит ее колебания, и она сказала уже совсем просто и натурально:

— Хорошо, мы только пообедем кругом леса, а потом ты нас встретишь у ручья.

Дорога лесом была очень узкая. Бехметев и Анна ехали близко рядом и молчали. О том, что их так близко касалось обоих, говорить они не могли, о другом — не хотели. Счастье быть вместе удовлетворяло их вполне. Наконец Бехметев заговорил:

— Какие ваши планы на будущую зиму, княгиня?

— Не знаю ничего. Печатанье книг моего мужа затянулось: он волнуется, говорит, что пересылка корректур замедляет дело, и надо осенью опять переселяться в Москву. Ему тут скучно. А я подумать не могу о городе. А ваши планы?

— Вероятно, вернусь за границу. Здоровье действительно очень плохо. Надо в теплый климат ехать.

— Так вы уедете? Совсем или на время?

— Не знаю, княгиня. Мне лучше уехать, вы это сами знаете... Я не смею искать счастья и терять спокойствие.

— А вы пробовали искать счастья?

Бехметев не сразу отвечал, но, приняв вдруг шутливый, легкомысленный тон, он начал:

— А вы знаете соседку вашу, Елену Михайловну? Она очень старалась меня развлекать. Веселая дама!.. Осторожно, княгиня, вы не смотрите лошади под ноги, и она спотыкнулась.

— Ну, что же про Елену Михайловну? — спросила Анна.

— У ней бывали вечера, сборища, там очень оживленно, и она особенно была со мной любезна. Я проводил с ней время очень весело...

Анна вспомнила эту развязную, бойкую Елену Михайловну, которую в первый приезд Бехметева она встретила вечером с мужем и к которой прежде так ревновала князя. Дом этой Елены Михайловны был центром легкомысленного веселья для всего соседства, но порядочные женщины не знались с ней.

— А вам нравятся такие женщины, как Елена Михайловна?

— Я большой ее поклонник, — ответил Бехметев с какой-то злой иронией, — веселая и милая собеседница...

«Что с ним сделалось?.. — подумала Анна. — Он меня дразнит».

Но он не дразнил ее. Он едва держался, чтоб не разразиться перед этой женщиной самым отчаянным, самым страстным объяснением в любви. Он задыхался от волнения, он был слаб, несчастлив, он говорил Бог знает какие глупости из чувства самосохранения, он готов был плакать от того, что огорчал ее, но он знал, что он не должен, не смеет сказать ей то, что одну ее на свете любит, что он здесь, среди этой тихой чудной лесной природы, вдвоем с ней потерял голову от счастья и от отчаяния, что он не может им пользоваться, а должен беречь ее спокойствие и ее счастье с другим человеком.

Анна больше не стала говорить с Бехметевым. Она сильно ударила хлыстом лошадь и исчезла в лесной чаще. По дороге был ручей, у которого их должен был нагнать князь. Разогнав лошадь, Анна забыла о ручье, и, когда она его увидела, было уже поздно остановить лошадь. Но умная английская кобыла, опомнившись, вдруг остановилась. Движение лошади было так неожиданно, что Анна слетела мгновенно с седла. Бехметев, нагнавший Анну, все это видел и вскрикнул. Но Анна встала и сейчас же оправилась.

— Вот легко упала, — сказала она, — даже сотрясения не чувствую.

— Так падают только на сцене, княгиня, — сказал Бехметев, но голос его дрожал.

— Что же, едем опять, — сказала Анна, пытаясь сесть на лошадь.

— Вы не сядете так, я вам помогу, если позволите, княгиня, — сказал Бехметев, подставляя руку, чтоб Анна ступила на нее.

Маленькая нога Анны слегка коснулась руки Бехметева. Она почувствовала сквозь тонкий башмак его горячую руку, и вдруг какая-то неожиданная дрожь пробежала по всему ее телу. В глазах ее потемнело, и в то же время в воспоминании ее мелькнула ее дочь Маня. На днях, когда Бехметев сидел с ней вечером и поправлял перевод, пришли дети прощаться. Маня посмотрела сердитыми глазами на Бехметева и ни за что не хотела подать ему руки. Причину она никому не объяснила, а только говорила: «Не хочу, не надо».

«Боже мой! — подумала Анна. — Милая, бедная моя Маня! Не бойся за меня, я слишком люблю тебя».

— Нет, так не надо, не надо! — закричала Анна. — Я так не могу, благодарю вас. Вот тут пень, я сама сяду на лошадь.

Бехметев подвел лошадь к пню, и в ту же минуту подъехал и князь. Отпустив приехавшего соседа, князь поехал догонять жену и друга. Он всю дорогу не был спокоен. И когда он увидал, что Анна не на лошади и близко от нее стоит Бехметев, страшные подозрения пришли ему в голову, он побледнел и не нашелся, что сказать. Губы его задрожали, он стиснул в руках поводья. Первое движение его было — желание ударить их обоих хлыстом, который был в его руке. Но он овладел собой и спокойно выслушал рассказ жены о ее падении с лошади. Он решил, что дома объяснится с ней и постарается прекратить посещения Бехметева.

Приехав домой, Анна, не раздеваясь, бросилась на постель и начала рыдать.

— Я преступница, жалкая, гадкая женщина! Я люблю его и ненавижу себя за это! Господи, помоги мне! Дети, милые, простите меня!

Потом она встала, перекрестилась, как бы открещивая себя от какого-то наваждения, и начала переодеваться. Только что она сняла амазонку, как вошел ее муж. Он приготовил свою речь, хотел сделать ей сцену и остановился, пораженный ее красотой. Мягкие темные складки амазонки лежали вокруг нее; сильные, красивые руки ее, поднятые вверх, быстро закручивали золотистые волнистые волосы, а плечи и шея, освещенные из окна последними лучами розового заката, блистали красотой, так же как разгоряченные от слез и волнения прекрасные темные глаза ее.

Князь подошел близко к жене, вгляделся в глаза ее, заметив непривычное выражение, и спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Совсем хорошо, — сказала она.

— Нигде не больно? — спросил он, трогая ее спину.

— Нет, нет, — твердила она, освобождаясь от руки его.

Но князь не оставил ее. Он отошел на минуту, запер ключом дверь и, подойдя к жене, нагнулся и поцеловал ее в грудь. Анна вздрогнула и отшатнулась. Но князь привлек ее к себе и страстно припал губами к ее плечу, губам, обнимая ее... Она уже не сопротивлялась. Закрыв глаза, не думая о муже, не отдавая себе ни в чем отчета, она вся трепетала в его объятиях. Князь был радостно поражен этой уступчивой страстностью своей жены. Она отдавалась ему вся... но закрытые глаза ее видели только Бехметева, воображение рисовало его в минуты его молчаливых признаний, а рядом с ним ей мерещились испуганные, недружелюбные глазки Мани, понявшей невинной душой опасность, в которой была ее мать...

На другой день князь был очень весел и предпримчив. Ревность его на время успокоилась. Он выдумывал разные поездки, делал планы, шутил и был особенно ласков со своим другом, приехавшим узнать о последствиях падения с лошади княгини.

Глава 9

В первый раз в своей жизни Анна почувствовала внутренний разлад в душе своей. Всегда твердая, честная и спокойная, она была уверена в себе и не боялась ничего. Но теперь силы ее ей изменили. Она знала, что в августе, совсем уже больной, уедет Бехметев, она чувствовала, что то счастье, которым она жила все это время, будет иметь предел, а потом? Потом

останутся дом, обязанности, равнодушный эгоизм ее мужа с его грубыми требованиями и бессилие продолжать ту же жизнь без света той любви, которую она была так избалована все это время.

«А дети? Неужели я к ним охладела? — спрашивала себя Анна с ужасом. — Нет, это другое; это совсем в другом месте моего сердца. Но как я устала! Как ужасно устала! А муж? Где же она, моя любовь к нему? Что же случилось? Почему я не могу любить и мужа, и этого человека, который так бескорыстно, просто и хорошо любил меня столько времени, не требуя ничего?..»

И несмотря на все эти оправдывающие ее мысли Анна чувствовала и не могла не чувствовать, что случилось то, что должно было случиться в ее жизни с мужем и в любви к нему, а не с чужим человеком; что должно случиться в каждом хорошем браке.

Она привязалась душой к человеку, сумевшему без насилия, без требований, без всяких прав осветить любовью всю ее жизнь, и когда вся эта духовная жизнь стала полна, в ней проснулось чувство счастья и от личной близости этого человека. Зачем этот человек не муж ее? С таким идеалом выходила она замуж; так идеализировала она первое время своего мужа, так долго и слепо подчинялась она его влиянию, лишь смутно чувствуя, но не позволяя признаться себе, что все это не то, не то; что ей больно его равнодушие ко всей ее внутренней жизни, к ее детям, ей унижен его интерес только к жизни ее цветущей красоты, ее здоровья и внешнего успеха, который одновременно и радовал его, и будил в нем ту животную ревность, от которой так мучительно приходилось ей страдать. «Что же теперь будет? Какое же теперь мое отношение к мужу?» — спрашивала себя Анна, хватаясь как утопающий за ту соломинку в сердце своем, которая должна была спасти ее. И она утопала, утопала, сознавая ясно, что соломинка гнется в ее слабых руках и не в ней ее спасенье.

Но судьба на время помогла ей и обманула ее, обещая выход из ее тяжелого душевного состояния.

Князь, последнее время очень занятый хозяйственными усовершенствованиями, уехал в город сам получать новую паровую молотилку. Было очень сыро и холодно, и несмотря на просьбы Анны ехать в экипаже князь все-таки уехал верхом. Было поздно, стемнело, а князь все не возвращался. Анна уже начала тревожиться, когда к дому подъехала телега и из нее вынесли на руках князя. Когда Анна увидала это, она вскрикнула от ужаса и бросилась к мужу. Он улыбался болезненно, стонал, когда его понесли, но поспешил сказать ей:

— Ногу переломил, кажется; ничего, не пугайся.

— Ногу, слава Богу! Я думала хуже. Но надо же скорей за доктором. — Она распорядилась посылкой за доктором, потом побежала в комнату князя, уложила его и устроила положение ноги как можно удобнее. Затем быстро и ловко набила резиновый пузырь льдом и приложила его к ноге князя. Сделав все это, она твердо и спокойно уселась у постели князя. Он стонал и метался, требуя ежеминутно ее услуг. Никто другой не мог угодить ему. Удаляя всех, Анна с нежностью и терпением ухаживала за мужем. Она рада была этому несомненному исполнению долга, который судьба положила на нее.

— Подойди ко мне, — звал он ее беспрестанно, — подложи подушечку; ах, не так. Я тебя измучил, душенька, — говорил он и снова стонал.

К утру князь заснул. Анна тихонько подошла и стала внимательно всматриваться в лицо своего мужа. Измученные красивые черты князя странно подействовали на нее. Она перенеслась в далекое прошедшее, в то время, когда она доверчиво, слепо и просто любила этого человека, не анализируя, не критикуя его.

«Если б это было опять возможно! Ведь все в нем хорошо, он одну меня любил, не изменяя мне никогда, это я дурная, а не он, чего я хочу?»

Она нагнулась и тихо поцеловала его в лоб.

«Да, я его одного любила, и он дороже мне всех на свете», — решила Анна и вдруг поспешно зашлкнула в душе своей всякий дальнейший анализ своих внутренних, самых заветных, сердечных тайн. И она не гнала, когда решила вопрос любви к мужу. Ту силу любви — молодой, страстной, идеализированной любви, которую она отдала всю своему мужу в первые годы своего замужества, — этой силы в ней больше не было. Как ответил

ей муж на эту любовь — это другой вопрос, но это не могло разрушить ее, и любовь ее всплывала при всяком удобном случае и снова падала при отпоре ее.

Теперь князь спал, Анна не слыхала того голоса, который так грубо порой оскорблял ее, не видала тех глаз, которые несправедливо — гневно или чувственно — смотрели на нее, она видела только человека, которому отдала всю себя и любовь свою, — и любила его.

Всякая женщина по-настоящему любит только один раз. Она любит свою любовь, которую бережет до случая. Но, раз отдавши ее, она дорожит ею, бережет ее и закрывает глаза на недостатки того, кому ее отдала. Повторение этого чувства всегда вырастает на старом, на старых идеалах. И если случается, что женщина замужняя полюбит другого человека, то виноват почти всегда муж; он не сумел удовлетворить поэтическим требованиям, которые заявляет юная, чистая женская натура, и разбил их, дав взамен одну грубую сторону брака. Горе, если другой сумел занять то пустое место, которое не занял муж, и когда все та же первая, идеализированная любовь переносится на другого.

Всю ночь князь страдал ужасно, и только на следующее утро приехал доктор. Он наложил повязку и предписал полный покой ноги.

Прошло несколько мучительно тяжелых дней болезни князя. Он был нетерпелив, требователен, подозрителен до невозможного. То, что он не мог двигаться, выводило его из себя. Он совсем не отпускал от себя Анну. Приезжали соседи узнавать о здоровье князя. Это развлекало его на время, но он все-таки страшно скучал и придирался беспрестанно к жене.

— Где ты была? — спрашивал он ее, когда она выходила на несколько времени из комнаты князя. — Что ты делала?

— Ходила гулять с детьми, — отвечала Анна, или: «Писала письмо», или: «Учила Маню и Павлика».

Все эти ответы князь проверял допросами детей и прислуги, которых как бы нечаянно наводил на рассказы, что делала мама, или не знают ли, где княгиня и чем она занята. Он сам не давал себе отчета, в чем он подозревал жену, это было что-то болезненное, почти сумасшествие.

Бехметев приезжал только раз узнать о здоровье князя. Он сам все хворал и собирался за границу. Анна не вышла к нему, извиняясь усталостью. После прогулки с ним верхом у ней остались упреки совести, как будто она совершила дурной поступок. Чувство самосохранения со стороны ее совести было так сильно, что она всеми своими душевными силами заставляла себя забыть то ощущение, которое пережила минутно.

И среди обязанностей жены и матери она достигала этого. Кроме того, вся материальная сторона жизни хозяйки дома всегда отрезвляет временные всякие увлечения.

— Ваше сиятельство, — вызвала экономка Анну из комнаты мужа. — Извольте посмотреть, обойщик спрашивает, так ли обил мебель?

Анна пошла в людскую посмотреть мебель и так и ахнула. Вся дорогая обивка была обита наизнанку, и яркие поперечные нити материи на оборотной стороне так и резали глаза.

— Да что же вы наделали? Разве это можно, все наизнанку! — вскрикнула Анна.

Пришлось все оттирать, материю испортили и расстроили Анну на весь день. Еще через несколько дней опять позвали Анну.

— Пожалуйста, матушка ваше сиятельство, сладу нет с поваром; напился пьян, князю надо суп подавать, а он никому не дает. кричит.

Анна сошла в кухню, быстро подошла к повару и громко, повелительно, но так несомненно закричала ему «Вон, сию минуту!», что повар мгновенно, как подстреленный, вылетел из кухни, передав суп буфетчику. Когда Анна вернулась в свою комнату, она вся тряслась и слезы были на ее глазах. Вся материальная сторона жизни была ей ненавистна и всякий гнев — невыносим.

Глава 10

Наступил конец августа. Уже чувствовалась осень в свежих вечерах, в появившихся желтых и красных листьях, в грусти голых полей и лугов и в сократившихся днях.

Князь выздоровел, хотя ходил еще на костылях и беспрестанно требовал доктора, капризно жалуясь на медленное выздоровление. Анна заметно похудела, но она опять вполне овладела собой и вступила в свою твердую семейную колею жизни, без сожаления, без колебания, с радостным сознанием исполненного долга и с усиленно напряженной энергией.

Давно уже Анна ничего не знала о Бехметеве и в глубине души тревожилась и недоумевала, что значило его продолжительное отсутствие.

Раз как-то она сидела в кабинете мужа и читала ему вслух газету. Князь лежал на диване и беспокойно смотрел в окно, ожидая доктора.

— Ты, верно, не послала за доктором? — спрашивал он.

— Давно послала. Да зачем он тебе? Ведь помочь тут нельзя; на все нужно время. И давно ли ты так веришь докторам?

— Мне перевязка жмет. Я знаю, что все доктора шарлатаны, но тут механическое дело, этому они выучились.

— Вот кто-то подъехал.

Действительно, какой-то легкий экипаж подъехал к крыльцу, но это был посланный от Варвары Алексеевны с запиской.

Когда Анне подали конверт, она вся замерла. Князь зорко следил за женой и ждал, что она скажет. Анна, чтоб скрыть свое лицо, как бы повернулась к свету и стала спиной к князю. Она пробежала записку и уже спокойно сказала:

— Варвара Алексеевна зовет меня сегодня вечером к себе. Дмитрий Алексеевич уезжает, и сегодня там прощальный вечер; по-видимому, там празднество и гости.

— Покажи записку.

Анна презрительно улыбнулась и подала князю записку.

— Ну что же, ты поедешь?

— Нет, я тебя не хочу оставлять. А вот и доктор.

Вошел человек лет тридцати, среднего роста, румяный, красивый, с резко немецким и пошлым типом, добродушный и спокойный.

— Повязочка вас беспокоит; это мы сейчас поправим, — сказал он, поздоровавшись довольно фамильярно с княгиней и князем.

Он засучил рукава, вымыл руки и принялся за свое дело, а Анна внимательно и ловко помогала ему.

— Ваше сиятельство, — тихо кликнула няня Анну, — пожалуйста сюда на минуточку.

Окончив дело с доктором при муже, Анна вышла.

Няня позвала ее попросить показать доктору мальчика, которому лошадь рассекла лицо. Страшно было смотреть на четырехлетнего крошку, у которого хлопьями висело мясо и кожа на лице, и все было покрыто темными пятнами местами запекшейся, а местами сочившейся крови. Испуганная бледная мать смотрела умоляющими глазами, ожидая помощи сыну. Она то всхлипывала, то поспешно рассказывала какие-то сны!

— Во сне-то мне петух красный снился, вот оно! А то вижу я, старик старый в избу вошел, ну, матушка моя, и манит он, и душно мне, и тошно, о-о-ох!

— Позовите сюда скорей Александра Карловича, — сказала Анна няне и побежала искать в своей домашней аптечке все нужное для наложения швов.

Ребенка обмыли, утешили, дали ему всяких сластей, и Анна взяла себе мальчика на колена, а доктор принялся внимательно накладывать швы, осторожно сдвигая кожу. Ребенок был замечательно терпелив; дело шло успешно и подходило к концу. Князь, не видя долго возвращения жены, взял костыль и пошел посмотреть, что она делает. Он резко толкнул дверь. Анна вздрогнула и испуганно оглянулась на мужа.

— Ах, княгиня, держите голову, ради Бога, — с досадой сказал доктор, — чуть не прорвали шов. — И доктор, схватив руку Анны, указал ей жестом, как держать головку мальчика.

Князь переменялся в лице.

— Отдай мальчишку матери, и я прошу тебя войти ко мне, ты мне нужна, — резко, повелительно и злобно проговорил князь.

— Но надо же кончить с этим несчастным ребенком, — робко проговорила Анна.

— Я прошу тебя... Vous m'entendez! * — вдруг взвизгнул князь, стукнув костылем.

Но Анна не слушалась и держала ребенка, а доктор продолжал свое дело усердно и добросовестно; но руки его, поправляя положение головы мальчика, беспрестанно нечаянно касались рук и даже груди Анны, к которой прислонился ребенок. Доктор ничего не замечал и даже не слышал слов князя, он весь отдался своему делу.

Но вдруг князь подошел совсем близко, схватил на руки больного мальчика, — костыль его шумно упал, — и, бросив на руки крестьянке ее сына, дернул Анну и потащил в кабинет. Доктор удивленно посмотрел вслед вышедшим и, пробормотав, «сумасшедший!», принялся снова за дело, попросив няню помочь.

Между тем князь, держа еще за руку Анну, швырнул ее на диван, опрокинул неловким движением кресло, захлопнул дверь и стал ходить по комнате, стуча костылем и приговаривая в бешенстве:

— Когда я прошу тебя... ты меня унижаешь своим поведением с этим мальчишкой-немцем!.. Эта близость... Все это нарочно!.. — кричал он, не помня себя от гнева.

Но на этот раз рассердилась и Анна.

— Ты совершенно с ума сошел! Опомнись, что ты говоришь! Где тут место таким рассуждениям при страдающем ребенке!

— Молчи! Твои оправдания хуже еще твоего мерзкого поведения! Лучше уйди. Уйди! Уйди! — кричал князь, и, толкнув Анну в дверь, он бросился на диван.

Анна, шатаясь, вышла. Дойдя до гостиной, она схватилась за грудь и только прошептала:

— Есть же всему предел! Боже мой!

Она не плакала. Глаза ее, остановившиеся и сухие, смотрели бессмысленно и жестко. Войдя в спальню, она села на кресло перед зеркалом и нечаянно взглянула на себя. Она была прекрасна в своем негодовании: правильное, бледное лицо ее дышало энергией и чистотой, а темные глаза казались еще темнее и глубже от горького выражения их.

Весь день Анна не видала потом мужа. К обеду он не вышел из кабинета, и Анна осталась одна с детьми и обычными домочадцами. Дети толковали о змее, который они будут пускать после обеда, а Анна вдруг решила, что она поедет к Варваре Алексеевне.

— Велите закладывать коляску четверней, — громко приказала она, чтоб слышал ее муж. — И скажите Дуняше приготовить мне белое шерстяное платье.

— Мама, куда ты едешь? Не езд! — приставали дети.

— Куда ты едешь? — приставал Павлик. — Привези нам Дмитрия Алексеевича, он давно не был.

Анна была грустна весь обед и едва отвечала на вопросы.

После обеда, не заходя к мужу, она прошла в спальню, переоделась и уехала к Варваре Алексеевне.

Сердце ее замирало от волнения увидеть опять Бехметева, она сердилась на это волнение, но желание увидеть человека, близость которого так нежно коснулась ее жизни и так противоречила обращению ее мужа, стало так велико после грубой сцены, сделанной ее мужем, что она решила, во что бы то ни стало ехать к Варваре Алексеевне и увидеть Бехметева, — вероятно, в последний раз.

Глава 11

Когда Анна вошла в низенькую, но довольно большую залу в доме Варвары Алексеевны, там собралось уже довольно большое общество. Тут были соседи, давнишние друзья и родные, были две — три барышни, жавшиеся около фортепьян с каким-то юношей, тут же была и бойкая Елена Михайловна, наделавшая столько горя в жизни Анны. Бехметев, поразительно похудевший, осунувшийся и грустный, сидел один и, не притворяясь, не скрывая своей радости, подошел к Анне.

* Слышишь меня! (франц.)

— Вы отказали и приехали, какой радостный сюрприз. А я подумать не мог уехать, не видав вас.

— Отчего же вы к нам не приехали? — сказала Анна, подавая ему руку, которую он поцеловал.

— Да, конечно, я непременно завтра был бы у вас, да я и заеду проститься с моим больным другом. Но вы видите, как я слаб, не знаю, как доберусь до Нег'а *, — прибавил он, кротко улыбаясь.

Анна тяжело вздохнула и прошла в гостиную к Варваре Алексеевне. Бехметев пошел за ней.

Варвара Алексеевна поспешно поздоровалась с Анной, благодаря ее за то, что она приехала, и озабоченно продолжала делать распоряжения о пикнике, который готовился на этот вечер.

— Ты настаиваешь, Дмитрий, ехать пить чай на озеро? — спросила она брата. — Право, сыро для тебя.

— Нет, теперь более, чем когда-либо. Я хочу показать княгине те чудные места, которые я, вероятно, никогда больше не увижу. — Он опять улыбнулся.

«Точно смерть неизбежная и близкая радует его», — подумала Анна.

Они сели у окна гостиной, и Бехметев, указывая на грудь, тихо и серьезно сказал Анне:

— Тут что-то совсем разладилось, княгиня, плохо мне.

— Вы опять поправитесь за границей.

— К чему? Поскорей туда, в вечность! Тут тесно мне стало.

И Анне показалось, что Бехметев, говоря это, уже не видит ее, а что глаза его смотрят куда-то в беспредельность, и ей захотелось туда же.

Подали много экипажей. Варвара Алексеевна распоряжалась, кому с кем сесть, а себе оставила место с братом в коляске, чтоб беречь его и укрывать от сырости.

Но Бехметев подошел к сестре и тихо, но твердо сказал ей:

— Варенька, я прошу княгиню сделать мне честь и поехать со мной.

Анна хотела возразить, но Бехметев посмотрел на нее так строго, умоляюще и решительно, что слова замерли, и она промолчала.

Бехметев рыцарским жестом подал Анне руку и, посадив ее, сел рядом, укутавшись в пальто и завернув ноги пледом.

Все экипажи двинулись.

— Ступай направо, — вдруг распорядился Бехметев, и коляска завернула в старый сосновый лес, по которому шла узкая тенистая дорожка.

— Мы объедем другой дорогой, тут так красиво! — сказал он.

Когда они очутились вдвоем, Анна почувствовала угрызения совести за это одиночество вдвоем. Близость Бехметева волновала ее болезненно; его умирающий вид приводил ее в такое отчаяние, что она минутами боялась не выдержать и зарыдать, закричать — сделать что-нибудь крайнее. Тогда она закрывала глаза или смотрела молча в сторону, прижимая руки к груди и сердцу, как бы желая остановить в себе жизнь.

Бывает ли смерть — это разрушающее все ежедневное явление жизни — величественна, красива и значительна? Этот день 22-го августа был для Анны днем торжественного, красивого и молчаливого умирания всего — вокруг нее и внутри ее. Резкий, прозрачный, уже осенний воздух напоминал близость осени — умирания природы. Грустный, исхудавший спутник ее прогулки напоминал близость смерти. Наболелое сердце потеряло энергию жизни. Смерть, смерть везде, вот тут близко, — это было ужасно, и Анне стало страшно, точно она вот-вот схватит и ее...

Они въехали в старый сосновый лес. Вековые сосны, неподвижные и темные, едва пропускали лучи ярко-красного заходившего солнца, особенно блестяще освещавшего те светлые полянки, на которые они иногда выезжали.

«И это последняя навеки наша прогулка вместе», — думала Анна, взглянув на Бехметева. Он почувствовал ее взгляд и сказал:

— Ведь хорошо здесь?

— Да, удивительно красиво, но зачем вы поехали? Так сыро и холодно сегодня.

— Нет, ничего, поедemте еще, еще. Ах, как хорошо! Никогда не было

* Гиера (франц.).

так хорошо, — твердил он. — Посмотрите этот лес над этим озером, мы тут больше **никогда** не будем, взгляните, я так люблю здешние места: леса и озера, что может быть красивее?

«Да, скоро ты **нигде**, никогда не будешь!» — мысленно проговорила Анна и невольным жестом схватила руку Бехметева.

— Вам холодно? Какие у вас холодные руки!

«Неужели он умирает? И так никогда ни слова мы друг другу не скажем; и так, любя друг друга самой чистой, бескорыстной любовью, мы оба — он, умирающий, а я — увы! — остающаяся жить, — мы оба должны жертвовать нашим счастьем, хотя бы только тем маленьким счастьем возможности сказать друг другу, насколько мы эти годы были дороги один другому; как мы обоюдно облегчали и заставляли один другого забывать наши несчастья в той чистой атмосфере любви, в которой мы жили каждую минуту нашего постоянного духовного общения».

Стоила ли жертва той подозрительной холодности, того эгоистичного и чувственного отношения, которое она встречала всегда в своем приличном, красивом муже? «Но разве я могу для **кого-нибудь** беречь свою чистоту?.. — продолжала думать Анна. — Нет, ни для кого в мире, это ложь... Я берегла ее, потому что я ее **любила**; я ставлю ее выше всего, и если мне дорог этот человек, то только потому, что и он таков».

Как бы отвечая на мысль ее, Бехметев вдруг заговорил:

— Эта прогулка, княгиня, — наше последнее прощание. Завтра я еду, и мы, по всей вероятности, никогда больше не увидимся. — Он помолчал.

— Мне хотелось сказать вам, — он снова запнулся, — что в жизни моей самым светлым явлением было мое пребывание... нет, я должен сказать правду... мое знакомство с вами.

Анна хотела что-то сказать, но не могла. Спазма душила ее горло.

Бехметев продолжал:

— Я никогда не встречал женщины с таким ореолом чистоты, ясности и любви ко всему высокому, как вы. Что бы ни было, княгиня, дай Бог вам одного: остаться тем, что вы есть.

Коляска мягко катилась по лесной дороге, темнело, и Бехметев смотрел так спокойно, счастливо, так точно, как год тому назад, когда Анна и он возвращались раз из города в коляске, полной детей, которых возили в фотографию, и когда оба знали, что быть счастливыми можно, что любить можно, но так же, как можно любить и радоваться на ясное небо, на чудную летнюю природу, на счастье быть вместе; но сказать этого нельзя, и нельзя ничего такого сделать, что пробудило бы хоть малейший укор совести перед этими невинными, милыми и любимыми ею детьми; нельзя даже **себе** признаться в той радости любви, любви чистой, целомудренной, никогда не высказанной, той любви, которая теперь в этот чудный августовский вечер умирает вместе с ним, вместе с этими идеальными отношениями с человеком, пробудившим в душе ее все самое высокое и хорошее.

«И вот я вернусь домой, и муж мой подозрительно посмотрит на меня, предполагая во мне все самое дурное и безнравственное, и вместе с тем будет целовать мои оголенные плечи и руки. А весь день мы, как два преступника, совершающие по ночам преступления, будем молчать друг перед другом, он с своим высокомерным презрением и равнодушием к моей жизни; я со страхом перед его подозрениями и с одиноким миром детей, забот и борьбы с угасающим чувством любви к мужу и зажигающимся к другому человеку...»

Они все ехали. Бехметев кутался и кашлял; вечерняя прохлада пронизывала неприятной сыростью. Езда эта по неизвестным Анне местам, казалось, вела их вместе к неизвестной вечности, к переходу к тому, что не должно было их больше разлучать...

Солнце село. «И оно умерло!» — подумала Анна. Последние лучи вдруг ярко осветили макушки разнообразных деревьев сада, к которому они подъезжали. «Скоро и вся природа умрет, — опять подумала Анна. — И он? Нет, невозможно! Чем же я-то буду жить? Где будет то чистое счастье, в котором я буду брать силы, делаться лучше, умнее, добрее... Нет, это невозможно!» — чуть не вскрикнула Анна.

— Мы приехали, — тихо сказал Бехметев, молча взял руку Анны, поцеловал ее продолжительно и нежно и еще тише проговорил: — Прощайте, милая княгиня.

Она нагнулась и поцеловала его в лоб. Спазма, все время душившая Анну, как будто разрешилась в тихий болезненный стон. Слезы выступили ей на глаза, что-то переломилось в ее сердце и замерло — навсегда. Еще одна, эта сторона жизни отрезана навеки. Это кончено.

А жить надо, и жить надо хорошо...

Шумное многочисленное общество уже было в сборе в большой, круглой, иллюминированной разноцветными фонарями красивой беседке. Сутились с провизией, чаем, фруктами; устраивали сиденья из досок, занимались развешиванием последних фонарей в саду, разведением костра и прочими безумными, но неизбежными принадлежностями пикника.

Бехметев боялся оставаться поздно и уехал домой один, простившись со всем обществом. Анна должна была оставаться до конца, и, когда кончился вечер и она очутилась одна, в коляске, при стальном холодном лунном освещении светлой августовской ночи, ее душевное одиночество ей стало особенно ясно, и вдруг рыдания вырвались из груди ее. Она начала мучительно и долго плакать, точно оплакивала чью-то погибшую жизнь и свою, ушедшую от нее. Это был плач дикого отчаяния; с этими слезами должно было и действительно уходило и уходило куда-то ее горе. Когда она подъезжала к дому, она овладела собой; к ней понемногу вернулась ее бодрость и энергия жизни.

Переломившаяся в ее сердце боль при прощании и разлуке с Бехметевым вдруг отодвинулась куда-то далеко; точно, выплакавшись, она покончила с ней навсегда, а хныкать долго над чем-нибудь не было свойственно ее энергической натуре. Ей показалась преступна перед детьми и мужем эта боль разлуки с чужим человеком. Ей совестно стало, что она уехала, оставив мужа недовольного и еще больного. Ей вспомнилось, как Павлик просил ее не ехать, — и весь мир ее семейной жизни охватил ее со всех сторон. Маленький Юша представился ей особенно живо с его нежным, умным личиком; живая Маня с ее быстрыми, категоричными и неожиданными суждениями обо всем. Вспомнились ее уроки и все ее мысли о важности воспитания этого будущего поколения, и, когда Анна подъехала к дому, она уже поднялась духом, с сознанием долга и точно обновленная вошла в свой дом.

Она сняла свой плащ, прошла прежде в детские, потом подошла тихонько к двери кабинета мужа, который еще не спал.

Глава 12

А между тем князь, как только убедился, что Анна уехала, не войдя даже по обыкновению к нему, начал страшно волноваться, и самые дикие мысли приходили ему в голову. «Может быть, она уехала совсем и никогда больше не вернется», — думал он.

Он весь ежился от душевной боли при воспоминании, как он толкнул жену. Никогда еще ничего подобного с ним не бывало. «Ах, ах!» — стонал он сам перед собой; но вдруг вспомнилось ему, как он сам, своими глазами видел, что этот жирный немец доктор своими белыми руками, заправляя кожу на лбу мальчика, провел рукой по груди Анны. «По ее груди! И, верно, нарочно! И что она ощущала в эту минуту?!»

И князь ясно видел перед глазами эту прекрасную полную грудь, которая столько раз заставляла его забывать весь мир и быть рабом этой женщины!

В глубине своей души он сознавал, что он, может быть, и не прав; что правдивые глаза Анны, ее чистый, почти детский, несмотря на 30 лет, взгляд ее не мог лгать, но муки ревности терзали его все больше и больше. «И теперь, зачем она уехала? — рассуждал князь. — Там Бехметев... Кто знает, если не доктор, то, может быть, мой так называемый друг в эту минуту где-нибудь в лесу обнимает ее? Я не знаю ее, она таинственна и непонятна мне более, чем кто-либо. Что-то есть в ней, что она умалчивает и что постоянно ускользает от меня».

Князь пробовал читать, прошел к детям, посмотрел на часы и нигде не находил покоя.

Няня принесла ему двух меньших детей — девочку и маленького

Юшу — прощаться. Он, как на чужую, посмотрел на девочку, взял ее ручки и стал разглядывать.

«Кто знает, может быть, эта девочка и не моя дочь!.. Ох!.. Да, говорят, что у ней моя рука, моя манера брать вилку, утирать полотенцем руки... Это все правда».

Он посмотрел на мальчика и, притянув к себе, поцеловал. В этой копия себя он уже не мог сомневаться.

Немного позднее пришли Маня и Павлик тоже прощаться. Он вырезал им человечков из бумаги и научил, как дуть на них, чтоб они боролись. Дети смеялись, но смех их только раздражал князя.

— Ну, идите, идите спать. Юша заснул?

— Давно заснул. Он плакал, звал маму Богу молиться.

— Прощайте, прощайте, — говорил князь, раздражаясь все больше и больше.

«Звал Богу молиться, а она в своем белом наряде кокетничает теперь с этим кощеєм».

Князь лег на диван, закурил сигару и начал думать о своих отношениях к жене: «Как она терпеливо и хорошо за мной ходила! Верно, оттого, что она чувствует себя виноватой. А если вдруг в самом деле она виновата?» — с страшной ясностью и уверенностью в вине жены представил себе князь ее преступную любовь к Бехметеву.

Он вскочил, отворил окно, взглянул на круглую светлую, показавшуюся князю наглою луну и стал прислушиваться к звукам ночи. Послышался топот лошадей и шум подъезжавшего экипажа. Все ближе и ближе.

«Это она», — подумал князь. Но это был доктор; он ехал с пикника домой и, увидав князя у окна, остановил лошадь.

— Вы еще не спите, князь? Нехорошо больному.

— Зайдите на минутку, расскажите про бал Варвары Алексеевны.

— Извините, князь, не могу. Завтра рано утром предстоит на деревне операция; надо быть свежим и раньше встать.

— Княгиня едет домой? Вы ее-то видели?

— Да как же! Ну, я ей не позавидовал. Посадили ее в коляску с этим чахоточным Бехметевым, он ее завез куда-то показывать живописные места, говорить ему нельзя, холодно и сыро. А какая уж тут живопись! Человеку совсем капут. Месяца три жизни.

— Ну, прощайте, доктор, холодно; благодарю вас, — вдруг сказал князь раздражительным тоном и захлопнул окно. Лицо его приняло страшное выражение. Сомнения для него больше не было; Анна влюблена, она наверное в связи с этим Бехметевым! Князь задыхался. Он стоял у стола, передвигая нервными движениями вещи, перекладывая с места на место книги, бумаги и прислушиваясь к звукам.

Скоро проехала на мягких резиновых шинах коляска Анны и остановилась у подъезда. Князь слышал, как вошла его жена, как разделась, прошла к детям и как легкими, почти не слышными шагами быстро подошла к двери кабинета. Князь все стоял неподвижно.

— Ты еще не спишь? — тихо спросила Анна.

«Мерзкая обманщица! Еще притворяется!» — подумал князь и поднял со стола за серый шарик тяжелый белый мраморный пресс-папье.

Анна отворила дверь и подошла к мужу.

— Что с тобой? Тебе хуже?

— Мне не только хуже, но у меня или разорвется сердце, или сделается удар. Я не могу больше выносить твоего поведения.

— Моего поведения? Но что же я сделала?

— Осмелюсь сказать, что ты не влюблена в Бехметева?

Анна вспыхнула и сказала:

— Я очень люблю Дмитрия Алексеевича и...

Анна замолчала.

— Ты, может быть, скажешь, что ты не каталась с ним вдвоем весь вечер перед целым обществом и Бог знает где!..

— Он завтра уезжает, и мне очень жаль...

— И ты любишь его, и ты давно его любовница!..

— Замолчи, ради Бога!

— И я убью тебя... мерзкую, развратную женщину... Я давно терплю, я не позволю... Честь моя, семьи моей...

Князь задыхался от злобы и волнения.

— Твоя честь!.. Ах, будь спокоен за честь свою... — защищалась Анна. — Но успокойся, ради Бога, тебе вредно...

Она подошла близко к мужу, взяла его за руку, но прикосновение ее еще больше взорвало его. Он схватил со стола тяжелый пресс-папье и, подняв его, закричал:

— Уйди! или я тебя убью!

— Но за что? Разве ты до сих пор не знаешь меня? Успокойся, ради Бога. Разве могло быть что-нибудь?..

— Ты все лжешь... Молчи! Я не ручаюсь за себя, уходи!..

Он весь трясся и то опускал, то поднимал кверху пресс-папье.

Анна попыталась еще раз взять за руку князя, но он мгновенно повернулся, оттолкнул ее, и, когда она отбежала за письменный стол, он замахнулся на нее. Тяжелый пресс-папье, перелетев через стол, сухо и резко ударил Анну в висок и тяжело и громко упал на пол.

Как подстреленная птица, точно спустив свои белые крылья, перегнувшись как-то неловко пополам, свалилась Анна в мягкие белые складки своего платья под большой письменный стол. Короткий глухой стон вырвался из ее груди, и она потеряла сознание.

Князь бросился к ней. Из посиневшего виска струилась тонкой ниткой кровь, окрашивая красными пятнышками белое платье. Лицо было мертвенно бледно, губы открыты, глаза закатились, руки загнулись в неловком положении.

— Анна! Анна! — кричал князь, стараясь поднять ее. Но костыль и больная нога мешали всякому движению.

Он отворил дверь и стал звать людей. Прибежали няня и лакей.

— Княгине дурно, скорей за доктором.

Няня подбежала к Анне и вскрикнула:

— Да она, матушка моя, расшиблась! Господи, Боже мой!

— Она не расшиблась, это я убил ее, — сказал князь.

Няня испуганно посмотрела на него, перекрестилась и, бросившись к Анне, проговорила:

— Совсем обзумел батюшка, не помнит, что и говорит.

Она взяла воды из уборной князя, начала примачивать висок и брызгать в лицо Анны. Она попыталась приподнять ее, но не могла. Подозвав человека, они вдвоем кое-как дотащили Анну до дивана и положили ее. Потом няня спросила льду.

Прибежали горничные, экономка, англичанка — все в самых смешных разнообразных ночных костюмах. Вбежала голыми ножками в ночной рубашечке разбуженная шумом испуганная Маня, остановилась поодаль и вскрикнула:

— Няня, мамá разбилась? Она умрет. Няня, милая, где папá? Доктор придет?.. Дыра в виске, кровь идет!.. Ай! Ай!.. — кричала Маня.

Бедная девочка так тряслась, что все тельце ее подпрыгивало.

— Поди, ложись, Маничка, сейчас придет доктор, все пройдет. Мама упала и разбилась, ничего, — утешала няня, но Маня видела по лицу няни, что не ничего. Няня прикладывала лед к виску ее матери и безнадежным взглядом смотрела на неподвижное, бледное лицо своей барыни.

— Я не уйду, няня, я боюсь. Я тут посижу, — говорила девочка и вскочила на большое кресло. Поджав ноги, она села на корточки и упорно смотрела на мать и на няню. Она вся тряслась, стуча зубками.

Все это время князя не было в комнате. Он сидел в гостиной и ждал доктора.

«Это обморок, — утешал себя князь. — Сейчас, верно, опомнится. Вот что-то заговорили там... Вот до чего довела своим поведением! — старался оправдывать себя князь. — Не могу же я рисковать своей честью? Да, честью моего рода! У нас в роду не было безнравственных женщин! Я, мужчина, я вел себя всегда безукоризненно... Позор детям, что мать их была развратная женщина!.. И возможность иметь ребенка не моего?..»

Князя передернуло, ужас искажил его лицо, он хотел встать, но, бесильно сжав кулаки, упал на кресло.

— Ну и прекрасно, так и надо было... — решил он.

На столе стояла ваза со сливами. Он взял одну и стал есть. Старинные

английские часы с расстановкой пробили тонким звоном два часа. На деревне пропели петухи. Князь посмотрел в окно. Яркие звезды горели где-то очень высоко в темном небе, луна зашла, было холодно, и ему захотелось спать.

«Да что это было? — вдруг вспомнил он. — Неужели она еще не опомнилась?»

Князь бросился в кабинет и одновременно с ним вошел доктор. Он подошел быстрыми шагами к Анне, снял пузырь со льдом, стал слушать ее сердце, взял пульс, и лицо его делалось все мрачнее и мрачнее.

— Как было дело? — спросил он.

— Был нанесен удар вот этим пресс-папье, — сказал князь, поднимая с полу до сих пор никем не замеченную тяжелую вещь.

— Да, и удар был меткий. Пульс очень слаб и сердце тоже.

Доктор взял привезенный им мешок, достал оттуда стилишки и разные медицинские принадлежности и, попросив няню помочь, подошел опять к Анне.

Бледная красивая голова ее высоко лежала на кожаной подушке дивана. Черные с золотистым блеском волосы ее мелкими завитками окружали ее лицо, как сияние. Выражение лица было испуганное и суровое. Из глубокой темной ранки виска все еще показывалась кровь и текла по бледной щеке на белое платье.

Доктор начал приводить Анну в себя, но никакие усилия не могли вывести ее из глубокого обморока. Няня увела Маню, которая принялась громко рыдать.

Князь подошел к жене и вопросительно посмотрел на доктора. Доктор не сказал ни слова и продолжал свое дело.

Часов в десять утра Анна начала приходить в себя. Доктор удалил всех, боясь слишком большого волнения больной. Рана была перевязана, и перевязка эта придавала Анне какой-то непривычный, жалкий вид. Наконец Анна открыла глаза и дико осмотрелась кругом.

— Князя позовите, — тихо проговорила Анна и опять закрыла глаза.

Вошел князь и нагнулся к ней, Анна открыла свои большие черные глаза и, как будто сделав над собой усилие, начала говорить слабым, глухим голосом:

— Так надо было... Прости!.. Ты не виноват... Но если я умру, я должна сказать тебе...

Она запнулась и закрыла глаза.

— Что?.. Что?.. Говори, ради Бога! Скажи мне скорее... — умолял князь, ожидая признания ее вины.

— Что я никогда не была неверна тебе, что я любила тебя, сколько могла, и умираю чиста перед тобой и детьми... Но так лучше!.. Ох, как я устала! — Анна вздохнула и затихла.

— Я виноват перед тобой, Анна. Анна, друг мой, прости меня...

Князь зарыдал, взял руку Анны и приложил ее к щеке. Рука холодела.

— Дети где? — вдруг спросила Анна и слегка приподнялась. — Скорей, скорей позовите детей!

Она упала в изнеможении, закрыла глаза. Но через несколько минут она открыла их, и глаза ее уже не смотрели ни на кого. Они были серьезные, и взгляд их уходил куда-то дальше всего земного.

— Я хотела другой любви. Вот такой, как... — Анна подняла глаза на мужа и, точно с усилием узнавая его, прибавила: — Ты не виноват... Ты не мог понять того, что... — Она запнулась и договорила с трудом: — Что важно в любви...

Привели детей, испуганных и плачущих. Анна поцеловала их всех и хотела перекрестить, как она это делала всякий вечер, прощаясь с ними, но рука ее упала.

Детей увели, и что-то зловещее, тихое и страшное повеяло по комнате вслед за их следами и нависло тяжелой тучей.

— Кончено, — тихо проговорила Анна. — *Cette clef — c'est l'infinité*... * — как бы в бреду еще тише проговорила она, вспомнив почему-то слова Lamartin'a, прочитанные ей когда-то Бехметевым.

* Этот ключ — бесконечность... (франц.)

Подошел доктор. Он покачал слегка головой и знаком подозвал князя. Князь тихо рыдал. Анна больше не опоминалась. Ровно в двенадцать часов она скончалась, а в семь вечера лежала на столе в большой зале в каком-то нарядном светлом платье, так неприятно поражавшем противоположностью впечатления легкомысленного наряда с серьезностью и мрачностью бледного окаменевшего смертного лица с пробитым виском.

В отчаянии князя было что-то ужасное. Это была слабая растерянность ребенка, пропавшего в лесу. Он бился о стены, кричал, стонал, бросался на диваны и кресла, прося всех убить его, посадить в тюрьму, застрелить. Он не ел, не пил и не спал.

Друзья и родственники качали головами и говорили, что он сходит с ума. Видя его ужасное состояние, никто не поднял вопроса, как произошла смерть Анны, и никто не слушал князя.

— Упала и страшно ушиблась, — говорили все.

Осунувшиеся, грустные дети уныло бродили по комнатам, как бы ища чего-то. Старшие плакали до изнеможения, так что за них делалось страшно. На столе в гостиной стояла рабочая шкатулка и лежала — с точно только что воткнутой иглой — работа Анны. На окнах цвели розы, которые еще вчера она поливала с детьми из маленькой лейки. Тут же валялись карточные солдатики, которыми она играла с маленьким Юшей, заставляя его валить их. Они оба смеялись, когда вошел князь... На письменном столе лежало недописанное письмо к сестре Наташе, а на кресле возле валялась ее белая, обшитая темными перьями суконная накидка, точно только что спущенная с плеч. Казалось, вот-вот она войдет...

Но она не только не вошла, но на третий день ее вынесли с плачем из дома, опустили в эту страшную, вечно наводящую ужас глубокую яму, из которой всегда так хочется опять достать хоть на минуту спущенное вниз на длинных холстах любимое существо, и засыпали глыбами, стучащими по крышке гроба, земли.

И она теперь слилась с той природой, которую так любила и с которой перешла в вечность...

И князь понял, что ее не стало, что он убил ее не только этим белым куском мрамора, а что он давно, давно убил ее тем, что не знал и не ценил ее... Он понял, что та любовь, которую он ей давал, та любовь и убила ее, что не так надо было ее любить... И теперь, когда исчезло ее тело, он начал понимать ее душу... И все больше и больше ценил он эту отлетевшую от него любящую, нежную и чистую душу, столько лет так весело, разнообразно оживлявшую жизнь его и детей, — и все ближе и ближе хотелось ему слиться своей душой с ней...

Друзья и знакомые князя стали говорить, что князь стал отчаянным спиритом и что бояться за его умственные способности.

Через месяц после смерти Анны пришло известие о смерти Бехметева за границей.

Публикация О. А. ГОЛИНЕНКО
и Н. Г. НИКИФОРОВОЙ